

Татьяна КУЗНЕЦОВА
Анатолий УТКИН

ИСТОРИЯ АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Анатолий Уткин

История американской культуры

«Спорт»

2010

Уткин А. И.

История американской культуры / А. И. Уткин — «Спорт»,
2010

ISBN 978-5-904885-11-3

Данное учебное пособие по истории культуры США – относительно краткой, но безусловно яркой – написано почитателями и знатоками этой страны, профессорами Т. Ф. Кузнецовой и А. И. Уткиным. Авторы подробно прослеживают, как колонисты, принесшие на новый континент дух старой Англии и идеи религиозного протестантизма, за четыре века интенсивного развития и приема иммигрантов сумели сделать мир своей культуры и разнообразным, и глубоким. Единственная крупная страна, не знавшая феодализма, США заняли видное место в мировой литературе, киноискусстве, архитектуре, популярной музыке, а также в философии, юриспруденции, естественных и технических науках. Учебник рассчитан на студентов, специализирующихся в культурологии и американистике, но как источник расширения представлений об общественной истории, о выдающемся созидательном опыте человечества будет полезен студентам любого профиля, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей и культурой.

ББК 5.3.3

ISBN 978-5-904885-11-3

© Уткин А. И., 2010

© Спорт, 2010

Содержание

Предисловие	6
Введение	10
Часть I	16
Глава первая	16
Предпосылки возникновения колониальной культуры	16
Плантаторы Юга	21
Колониальные хронисты об основаниях американской культуры	27
Глава вторая	30
Новая Англия	30
Образ жизни	38
Проповедники и судьи	40
Культура печатного слова	41
Религиозное ожесточение	44
Нравы Новой Англии	47
Восемнадцатый век	51
Американская культура: история и наука	52
Тринадцать: отдельно или вместе?	53
Глава третья	55
Стремление к независимости	55
Идеи Просвещения	55
Начало революции	59
Декларация независимости	60
Культурное значение Американской революции	62
Гордость американской культуры	64
Будущее культуры	67
Франклин и другие	70
Два компонента	72
Культура истории	73
Глава четвертая	78
Гордость новой Америки	78
Территориальное удвоение страны	83
Просветители	85
Окончание Ренессанса и новый Ренессанс	87
Укрепление двухпартийной системы	88
Историческая культура	90
Новый тип иммигрантов	91
Северо-Восток выходит вперед	94
Фенимор Купер	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Татьяна Кузнецова
Анатолий Уткин
История американской культуры

© Кузнецова Т. Ф., Уткин А. И., 2010

© Издательство «Человек», оформление, издание, 2010

* * *

Предисловие

Создание учебника по истории американской культуры поставило нас перед необходимостью, помимо изучения собственно культуры, уделить внимание решению более общих вопросов – теоретических (связанных с пониманием культуры и культурологии как научной дисциплины), методологических (обращенных к способам научного анализа историко-культурного материала), методических (имеющих задачу подготовки вузовского учебника по культуре США – одного из немногих, выпущенных в России).

По мере развития культурология все более определяла свою предметную область, закрепляя за собой знание о культуре не как об отдельной социальной сфере, а как о наработанной программе жизнедеятельности общества, ценностном содержании и аспекте любой деятельности. Однако в большинстве учебников по культурологии наблюдается обособление культуры как специализированной деятельности. Наибольшее внимание в качестве таковой уделялось художественной культуре, вошедшим в мировую сокровищницу образцам, в том числе прецедентным феноменам культуры разных стран и народов. Под прецедентными феноменами понимается «авторство» тех или иных культурных форм, произведений, воззрений и способов деятельности, закрепленное за определенной страной, которую нередко знают в мире по приоритетности ее достижений.

Так, ни у кого не вызовет сомнения, что Россия известна своими православием, деспотизмом политических форм и революциями, классической литературой, философией, воплотившей в себе мировоззренческое знание в большей мере, чем научное, фундаментальными научными открытиями, позволившими достичь высот в освоении космоса, музыкой, балетом, победами в войнах, модернизацией как ответом на вызов Запада, народными промыслами, фольклором и прочими социокультурными фактами, которые закрепили за ней эти приоритеты.

Что касается американцев, то за ними прочно закрепилось первенство коммерческой республики, демократической политической культуры, общества пуритан, естественно-исторически сложившегося мультикультурализма, но при этом и «плавильного тигля» народов, к XX веку превратившегося в общество массовой культуры, Голливуда, высокой художественной литературы, мюзиклов. Эта прецедентность отмечена ощущением миссионерской роли страны, восприятием себя как «Божьего града на холме», выражением политики гегемонизма.

Американская культура демонстрирует тесную связь с историей США, развитием всех аспектов американской жизни, вырастает из повседневности. Как и всюду, в США сегодня имеются культурные разрывы и кризис идентичности. Но в целом это – страна, история которой убедительно подтверждает взгляд на культуру как программу человеческой деятельности и позволяет представить ее как ценностно-смысловую основу жизни общества.

В связи с этим представленная работа может быть охарактеризована не только как учебник по истории американской культуры, но и как учебник, в котором, с нашей точки зрения, теоретический тезис о культуре как программе жизни общества развернут наиболее последовательно. Сведение истории культуры к функционированию специализированных культурных форм и отрыв ее от истории страны менее всего плодотворен. Политическая, экономическая, социальная, гражданская жизнь Америки как общества, строившегося заново на новом месте, дает возможность не выделять культуру в особую сферу, а рассматривать ее в качестве неотъемлемой основы всей жизни американского общества, сделавшего культуру фундаментом живой процессуальной истории.

Это объясняет, почему в учебнике не использован принцип полной представленности всех деятелей американской культуры, особенно художественной. В нем применен феноме-

нологический принцип связи специализированной деятельности в культуре с повседневностью и историей, а не принцип каталогизации и всестороннего охвата явлений. Мы стремились коснуться узловых пунктов связи культуры и американской истории.

Сами американцы чаще всего интерпретируют отдельные явления культуры, исходя из этой методологии. Так, В. Л. Паррингтон в своем знаменитом трехтомном труде «Основные течения американской мысли» (М.: Изд-во иностранной литературы, 1962), посвященном эволюции американской литературы с момента ее возникновения до 1920 года, в первом томе рассматривает систему взглядов колониального периода (1620–1800), во втором томе – революцию романтизма в Америке (1830–1860), в третьем – возникновение критического реализма в США (1860–1920). Он рассматривает эволюцию художественной литературы США как развитие течений американской мысли, а последнее – как изменение ценностей и схем деятельности, сопровождавших и формировавших американскую историю. Эту традицию можно проследить и в книге «Современная американская литературная теория» (Spikes M, Contemporary American Literary Theory. South Carolina: University of South Carolina Press. 2003), где литературная теория глубоко социологизирована. В ней выделены пять основных социально обусловленных тем: деконструкция, афроамериканское направление, новый историцизм, политическая критика и феминизм, т. е. все, что, несмотря на специализированный характер такого вида культуры, как художественная литература, подано в социальном контексте, а не как самостоятельная эволюция художественных форм (может быть, за исключением деконструкции). Эта методология существенно отличается от выше отмеченной тенденции каталогизации всех явлений культуры.

Конечно, любая подобная реконструкция культуры может быть подвергнута критике. Возникает проблема методологического обоснования нестандартных исследований истории культуры.

Тезаурусный подход (см.: Луков Вал. А, Луков Вл. А. Тезаурусы: субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Национального ин-та бизнеса, 2008; Кузнецова Т. Ф. Историзм и движение к тезаурусному анализу. // Тезаурусный анализ мировой культуры. Выпуск 2. М.: МОСГУ, 2005) дает методологическую опору для построения неклассической истории культуры. Классическая история предполагает максимально полное освещение материала, строго систематизированное, в наибольшей степени приближенное к объективному (то есть не зависящему от позиции исследователя) знанию о предмете. Тезаурусный подход уточнил: именно приближенное, но объективным в полной мере не являющееся. Препятствием здесь становится тезаурусность – присущий любому человеку, а также любой объединенной на каком-то основании группе людей, национальной культуре способ осмысления мира по ценностному основанию «свой» – «чужой». В центре культурного тезауруса (систематизированного по этому основанию свода представлений о той части мировой культуры, которую может освоить субъект) находится «свое», на периферии тезауруса находится «чужое» (есть и «чуждое», в отличие от «чужого», неприемлемое, недопустимое). В сердцевины «своего» встраивается «картина мира», включающая константы, порождающие модели и другие основы освоения мира, но выступающая прежде всего как его образ.

В свете сказанного становится более понятной концепция данного учебника. Мы стремились создать культурную картину американского мира в ее единстве и многообразии. При этом учитывался не американский, а отечественный культурный тезаурус – как в отбираемом материале для исследования и описания, так и в выборе исследовательских моделей, т. е. мы исходили из наиболее интересного для русского читателя материала, который бы раскрыл культуру США не как «чужую» для него. Для нас были важны достижения философии культуры, культурологии, истории культуры, литературы, политологии и т. д., созданные в разных странах и в разные эпохи. Но наибольшее значение, в полном соответствии с тезаурусным подходом, придавалось работам наших современников и соотечественников. Так,

значимыми стали социально-философская концепция «хорошего общества» в той форме, как она представлена в трудах В. Г. Федотовой; концепция философии культуры, предложенная В. М. Межуевым; концепция культурогенеза, как ее излагает А. Я. Флиер; синергетическая парадигма в понимании О. Н. Астафьевой; социокультурный анализ в работах И. М. Быховской, Г. М. Пономаревой, Н. Г. Багдасарьян, Л. М. Мосоловой, О. А. Нестеровой, А. Г. Васильева, А. Н. Доброхотова, К. Э. Разлогова, взгляд на «массовую культуру», присущий А. В. Костиной, Е. Н. Шапинской; и т. д.

В числе важных для настоящей работы исследователей отметим А. А. Аникста, А. С. Мулярчика, В. П. Шестакова, А. Н. Николукина, М. О. Мендельсона (исследование американского романа, американской литературы), Н. П. Михальскую, Я. Н. Засурского, А. М. Зверева (литература и драматургия), Н. А. Анастасьева, А. А. Елистратову П. С. Балашова, Т. Л. Морозову, А. Ю. Мельвиля (контркультура и неоконсерватизм), В. М. Толмачева (американский роман), М. М. Кореневу (американская драматургия), И. Е. Кокарева (американский экран), А. С. Козлову (американское литературоведение). Существенное значение имеют работы В. И. Солодовникова, А. Л. Штейна, А. Н. Рома и др.

Из исследований последнего десятилетия хотелось бы выделить монографию М. В. Тлостановой «Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века». Это глубокое и оригинальное исследование литературных процессов, осуществляющееся в пространстве поликультурной жизни современной Америки. Книга показывает картину развития современной американской словесности, открывая новые имена, закладывая новые парадигмальные основания социокультурных исследований.

Трудно перечислить все источники, на которые мы опирались при создании учебника: наш жизненный опыт, научный багаж, соображения оппонентов и т. д. присутствуют в книге в переплавленном виде. То же можно сказать и о материале: факты американской истории, даты, персоналии, герои и злодеи, газеты, телесериалы, обладатели «Оскара», лауреаты Нобелевской премии, великие спортсмены и т. д. вовсе не построены в колонны по алфавиту, далеко не все упомянуты, но в той мере, в какой мы, авторы учебника, погружены в американскую культуру и в какой эта культура отразилась в нашем тезаурусе, все они составляют незримый фон, позволяющий делать обоснованные выводы на ограниченном числе примеров, непосредственно анализируемых на страницах учебника.

Возьмем, к примеру, художественную литературу как важный источник для раскрытия картины американского мира. Учебник не содержит всестороннего и систематического описания и анализа американской литературы, генезиса ее традиций, выявления влияния и связей с английской и европейской литературно-художественной жизнью. Главным образом это объясняется наличием в отечественной науке глубоких исследований истории литературного процесса в США, описанием определенных научных парадигм и социокультурных моделей, в соответствии с которыми художественная литература страны создавалась и интерпретировалась. Ради того, чтобы главные мысли учебника не растворились в частности, подробностях, мы не делаем сносок, но называем авторов, приводим их подлинные мысли, выделяя иным шрифтом, даем основательную библиографию. Мы следуем принципу, что культурологический учебник не должен повторять литературоведческий, не должен складываться из учебников по истории, политологии и т. д. У него своя задача.

Не выходя за пределы истории США, мы написали не историю страны, а историю ее культуры, неразрывно связанную с политической историей, социальной, религиозной жизнью и повседневностью американского общества. Основная цель работы состоит не столько в полноте, сколько в системной целостности панорамы американской культуры, в формировании у студентов картины американского мира, основанной не на стереотипах (как положительных, так и отрицательных), а на конкретных фактах культурной истории Америки.

Сегодня в США осознано значение культуры в качестве своего рода оружия – «мягкой мощи», как называет ее американский профессор Дж. Най. Америка стремится быть привлекательной для мира. Американская культура призвана увлекать и восхищать разные слои как американского, так и других обществ, чтобы обеспечивать влияние и притягательность США для других народов.

Мы придерживались объективной оценки таких форм влияния, поддерживая одни и критикуя другие – примитивные – образцы американской культуры. Вместе с тем очевидно, что американские авторы написали бы учебник иначе.

Мы постарались избежать предвзятости в интерпретации историко-культурной динамики США. С этой точки зрения весьма важно было иметь в виду характер оценки американцами своего национального духовного наследия. Нами изучена американская литература и американские учебники по проблемам культуры США. Поэтому подчеркнем: данную историю американской культуры написали российские ученые рубежа XX–XXI веков для российских студентов начала XXI столетия, основываясь на представлениях об американцах, закрепившихся в русском культурном тезаурусе, стремясь расширить и уточнить эти представления на основе научного анализа не только выдающихся событий, достижений, но и обыденной культуры населения США. Результат этого анализа направлен к синтезу – формированию у российских студентов культурной картины американского мира, обогащенной новыми сведениями и их научной интерпретацией.

Учебник предназначен не только для студентов, специализирующихся в культурологии или американистике. Как краткое изложение основ американского общества и американской культуры он будет интересен и, безусловно, полезен в качестве источника расширения представлений об общественной истории, о выдающемся созидательном опыте человечества студентам любого профиля, включая естественнонаучный.

Учитывая, что данная работа относится к жанру учебного пособия, в методологических целях во Введении излагается краткая история США, основные положения которой более подробно освещаются на страницах книги в связи с панорамой культурной жизни страны.

Введение

Национальные интересы любого государства формируются в зависимости от его самоопределения в мире. Поэтому в политологические, социологические, культурологические и другие дисциплины вводится понятие *идентичности* (англ. identity – тождественность, одинаковость, совпадение). Идентичность той или иной нации, то есть совокупность ее представлений о том, «кто она такая», постоянно находится под воздействием целого ряда внешних факторов. Вот почему в связи с ускорившейся экономической глобализацией и падением блоковых барьеров в конце XX века повсеместно начались процессы, называемые «кризисом идентичности».

Сегодня весьма актуальным становится вопрос о специфических чертах отдельно взятых народов, жизнь и облик которых стремительно меняются. Это касается и России, и Европы. Пристальнейшее внимание обращено к кризису идентичности одной из ведущих стран современного мира – Соединенных Штатов Америки. Совершенно ясно, что новый этап формирования американской национальной идеи воздействует на основные международные процессы.

Эрнан Кортес.
Портрет работы неизвестного художника, XVII в.

Христофор Колумб.
Педро Берругуэте, XVI в.

Америго Веспуччи.
Гравюра с портрета неизвестного художника.

Эти люди, сами того не желая, закладывали фундамент американской истории и формировали базу для ее национальной идентичности.

«Островное» самосознание североамериканцев сложилось исторически. Оно объясняется географическими причинами: Америка обособлена, отделена от остального мира океанами, ее культура складывалась в условиях значительной изоляции. Вторая важная особенность американской цивилизации – поразительная мощь, приобретенная за сравнительно небольшой срок.

Национальная идентичность обуславливается рядом параметров: нация, этническая принадлежность, язык, религия и идеология, в совокупности определяющие феномен культуры. Каждый из этих факторов остается основополагающим в условиях постепенного развития и способствует сохранению единства национального пути. Однако в меняющихся исторических условиях то один, то другой параметр начинает преобладать. И в начале XXI века Америка оказывается перед выбором приоритетного начала. Вот основные возможные модели ее развития:

1. Соединенные Штаты — *универсальная* нация, ее ценности близки всему человечеству, а принципы понятны всем народам. Здесь недаром собрались наиболее энергичные

представители различных государств, наций, народов планеты. Многие из «отцов-основателей» США видели в созданной ими стране мировой авангард, который опробует новые социальные и материальные схемы, чтобы затем «осчастливить» полученными результатами менее развитую часть человечества.

Если идентичность Америки базируется на универсальных принципах свободы и демократии, то не следует подчеркивать узкую «американскость»: Соединенные Штаты выступают как лаборатория всего мира. Целью внешней политики страны должно быть глобальное распространение принципов свободного волеизъявления и свободного рынка.

2. Соединенные Штаты – *западная* нация, что исторически определяется европейскими корнями, европейскими институтами, которые когда-то возникли из самоуправления англов и саксов. Таким образом, американский «америкагеополитически-генетический код» соотносится не со «*всем миром*», а только с «*западным миром*». Если США – лидер западного мира, то основополагающим принципом Вашингтона должно быть всемерное укрепление связей с «ведомыми» государствами. В этом случае США безусловно обязаны считаться с европейскими политическими, экономическими, демографическими и прочими интересами. Цель государства в этом случае – прежде всего, сохранение Североатлантического союза и обращение к остальному миру от имени единой цивилизации Северной Атлантики и Запада.

3. Америка – *уникальная* нация, исключительная по своей истории и особенностям, созданная в неповторимых условиях, которые нельзя имитировать: это, как уже говорилось, изоляция и одновременно – готовность реализовать на практике блестящие идеи европейского Просвещения. Сторонники этой точки зрения утверждают, что Америку, собственно, породили три начала: англосаксонское понимание свободы, европейская Реформация и *Siècle des Lumières* – век Просвещения. Вольнолюбивые бритты, покинувшие историческую родину и обосновавшиеся за океаном, привнесли в новое государственное образование идею парламента, народовластия. Национальная версия протестантизма сделала Америку непохожей ни на одну другую нацию, в том числе и в протестантском мире, Блестящая плеяда политиков, ученых, общественных деятелей, собравшихся вокруг третьего президента США, автора Декларации независимости Томаса Джефферсона и его преемника Джеймса Мэдисона, одного из создателей американской Конституции, реализовала то, о чем мечтали философы: Америка – прежде всего «фрагмент Просвещения», своего рода воплощение мечтаний Джона Локка и Монтескье.

Джон Локк (1632–1704). Английский философ, основатель либерализма, автор эмпирической теории познания («Опыт о человеческом разуме», 1689), согласно которой всё человеческое знание происходит из опыта. Был сторонником идеи естественного права и теории общественного договора. В педагогике исходил из решающего влияния среды на воспитание. Основоположник ассоциативной психологии.

Шарль Луи Монтескье (1689–1755). Французский правовед и философ, предтеча количественной теории денег. Один из основателей либерализма как государственной идеологии.

4. Америка на сегодняшний день – это государственное образование, *трансформирующееся* под влиянием массы наиболее активных поселенцев-иммигрантов. На побережье открытого Колумбом континента Северной Америки вслед за англичанами устремились голландцы, шведы, французы. Следом хлынули ирландцы, немцы, итальянцы. За ними после-

довали жители Восточной Европы. Всякий раз в зависимости от притока свежей крови облик американской цивилизации и культуры отчасти менялся, и нужно уделять особое внимание тому потоку, который главенствует в данный исторический период. В начале XXI века это массовый въезд в США испаноязычного населения. Исходя из такого понимания идентификации, Соединенные Штаты должны решительно повернуться к Латинской Америке.

5. Существует еще один, пятый путь или принцип. Американская нация – это сообщество людей со своеобразными и по существу минимальными общими основаниями идентичности хрупкий общий базис – это краткая Декларация независимости, Конституция, законодательная база и фактически ничего более. Однако хрупкость базиса лишь кажущаяся: все дело в том, что перечисленные документы гарантируют *равные гражданские права и свободы для всех граждан страны*.

По этому поводу самый проникательный исследователь Америки, Алексис де Токвиль, писал, что в США все рождаются равными и лишены необходимости доказывать или утверждать это равенство. Но ведь «равный» – это еще и «одинаковый», «ничем не выделяющийся», что противоречит самой идее национальной идентификации, согласно которой нация должна мыслить себя уникальной, а каждый индивид настаивать на неповторимости собственной личности. Чтобы избежать равенства в «*уравнивающем*» понимании, Соединенным Штатам следует отказаться от поисков «родственных» цивилизационных отношений и идти к пониманию того, «что есть Америка», не пытаясь искать общие корни с другими нациями и государствами. В этом случае логично предположить, что конфликты за пределами Соединенных Штатов не имеют непосредственного отношения к собственным интересам американского народа, и правительству страны не стоит пристально всматриваться в то, что происходит в чуждом внешнем мире.

Структура настоящей работы ориентирована в основном на периодизацию новейшей американской истории, где отчетливо просматриваются три основных периода.

1. С конца восемнадцатого века и до 1890-х годов США выступали преимущественно как торговая держава, менее значимая в военном смысле.

Со временем Америка освободилась от английского владычества. Гравюра XVIII в. под красноречивым названием «Америка сбрасывает своего господина» (английского короля Георга III) говорит сама за себя.

2. Между 1898 и 1941 годами США впервые попытались играть роль лидирующей державы в военной и экономической сфере, Однако страна оставалась лишь одним из нескольких существовавших мировых центров. Материальные предпосылки обретения всемирного

могущества складывались в течение десятилетий. По основным экономическим показателям США заняли первое место в мире уже в конце XIX века, а затем в ходе Первой мировой войны произошло превращение страны из должника европейских держав в их кредитора.

3. С вступлением во Вторую мировую войну произошел отказ Соединенных Штатов от политики «изоляционизма» и осуществился переход к идее всеохватывающей глобальной экспансии.

В нашей книге речь пойдет об американской культуре (термин «культура» понимается прежде всего в базовом значении как «система ценностей данной человеческой общности»). Анализируя ее, следует сконцентрироваться на внутриамериканских демократических преобразованиях, на стремлении действовать посредством позитивного примера, а не на случаях навязывания своей воли и институций (что в принципе не может быть результативным) таким далеким и непохожим на США странам, как Филиппины, Вьетнам, Ирак. От выбора приоритета в процессе самоидентификации зависит очень многое. В частности – характер будущей внешней политики страны, которая после окончания «холодной войны» не без напряжения реагирует на события в быстро меняющемся мире XXI века.

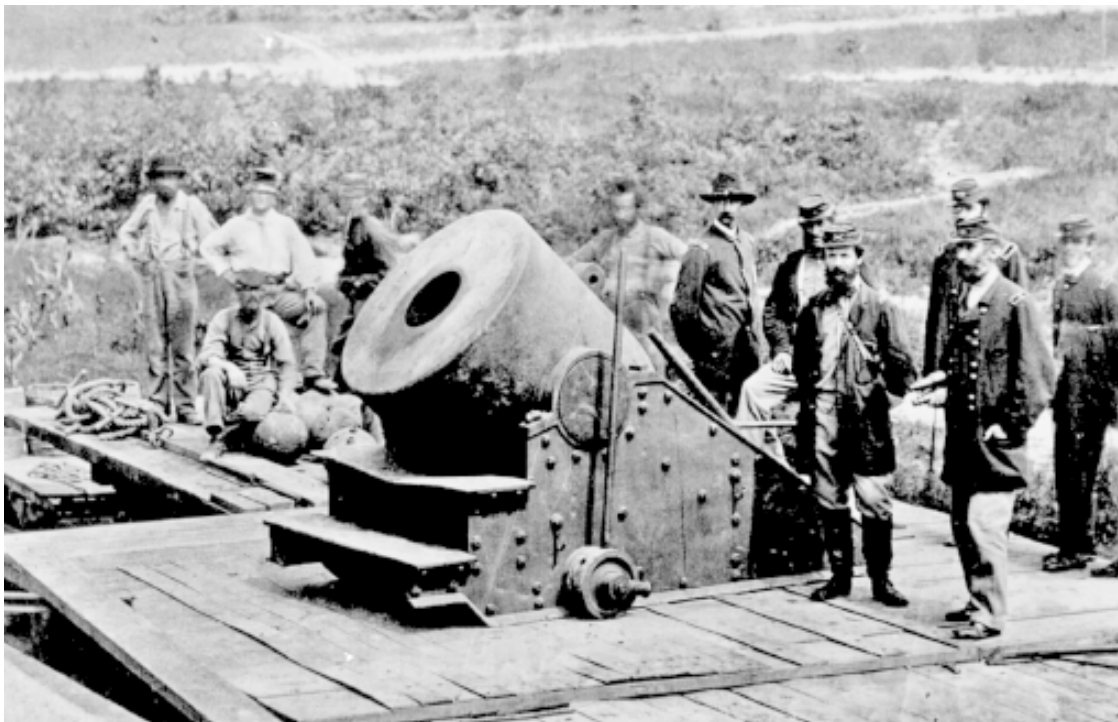

Государственный герб Соединенных Штатов Америки

Наиболее точную и емкую характеристику американскому обществу дал, пожалуй, Сеймур Мартин Липсет, говоривший о сочетании в американском характере религиозности, оптимизма, патриотизма, индивидуализма и осознанного стремления защищать права человека от малейшего посягательства с чьей-либо стороны. Алексис де Токвиль еще в начале девятнадцатого века писал, что американский социум – это нечто новое, небывалое, неизвестное прежним аристократическим обществам. Разумеется, и при многовековом наличии таких «аристократических обществ» каждая европейская нация уникальна; но уникальность

Америки – из-за отсутствия огромных пластов исторического опыта – носит все же особенный характер.

Часть I

Глава первая Формирование американской нации

Предпосылки возникновения колониальной культуры

Англосаксы, в отличие от испанцев и французов, ехали в Америку с твердым пониманием того обстоятельства, что их ждет не благословенное Эльдorado, а тяжелый труд в суровой стране. Этот момент является ключевым для понимания американской нации и культуры. Ядро будущего национального единства составили пуритане (*англ.* puritans – «чистые»), последователи религиозного движения, настаивавшего на реформах англиканской церкви, уничтожении епископата, введении совета выборных старейшин, удалении из церкви украшений, упрощении религиозных обрядов, замене мессы проповедью.

Протестантская этика с наивысшей силой проявилась в дневниковых записях капитана Джона Смита, основателя Вирджинии, первой североамериканской колонии Англии. Он писал, что первопоселенцам было нечего ждать, кроме результатов собственных усилий. Идея действенности и обязательности тяжелого труда подкреплялась (и отягощалась) кальвинистским представлением о жизни как неизбежной трагедии, о земном пути как дороге страданий. Вот почему атмосфера первых поселений пуритан угнетает даже в описаниях: перед читателем открываются унылые картины того, как мрачные люди молча и безостановочно пробивают дороги, очищают поля, без радости и песен встречают рождение детей, без славословия провожают усопших.

Но ощущение свободы от полуфеодалных пут Европы стало проявляться довольно быстро. В английских колониях отсутствовала религиозная дисциплина, требуемая англиканскими епископами метрополии, и пуритане мало-помалу обрели невиданный простор

не только для культовых отправлений, но и для определения базовых принципов своей жизни. В каждом североамериканском поселении образовалась своя независимая религиозная община, а *проблема духовной свободы свелась к самостоятельному определению верований, пристрастий, вкусов.*

В. Сегар. Елизавета I с горностаем – символом королевской власти Англии. 1585

Джон Смит (1580?-1631) Знаменитый путешественник, которому американцы обязаны названием «Новая Англия».

Культура североамериканских колоний с самого начала носила, что вполне понятно, черты западноевропейской прародины – Англии с ее высокими достижениями елизаветинской и революционной эпох, с ее сумрачным пуританским бытом. Удивительной особенностью, отчасти объясняющей дальнейшую оригинальность и интенсивное развитие культуры США в целом, явилось повсеместное наличие довольно богатых домашних библиотек, бережно собранных не только в Англии, но в других европейских странах. Уже вскоре после освоения атлантического побережья в тринадцати здешних колониях начинается печатание и распространение памфлетов, альманахов, периодических изданий, а затем и книг.

В становление американской культуры внесла свою лепту не только доминирующая англосаксонская струя, Оказало влияние наследие множества других народов – шотландцев, ирландцев, голландцев, валлийцев, шведов. Но на протяжении полутора веков колониальной истории английское влияние, как мы уже говорили, преобладало: большинство поселенцев были англичанами, классовая структура носила ярко выраженный английский характер, законы строились по английской матрице, теология шла от англиканской церкви и английских сект, формы образования имитировали английские образцы. То же можно сказать и об искусстве, стиле жизни, характере развлечений, преобладающей моде, судопроизводстве, церкви и прессе. Главные связи с миром пролегали для Северной Америки через Лондон.

В английской культуре XVII в. преобладают театр и изобразительное искусство. Художники. Висхер в 1616 г. запечатлел знаменитый «Глобус», в котором ставились пьесы Шекспира.

Важнейшей отличительной чертой собственно американской культуры в процессе ее становления стало следующее: осваивая новые территории, удаляясь от побережья в глубину континента, новое общество не знало самых существенных ограничений, определявших государственность и культуру Европы. Америка не знала феодализма. В Америке никогда не было титулованной аристократии, наследственных привилегий, строгой клерикальной иерархии, господства высших слоев во вкусах, привычках, зарождающихся традициях. Поэтому двери на вершину социальной лестницы в США с первых дней были открыты шире, чем в постфеодальной Европе.

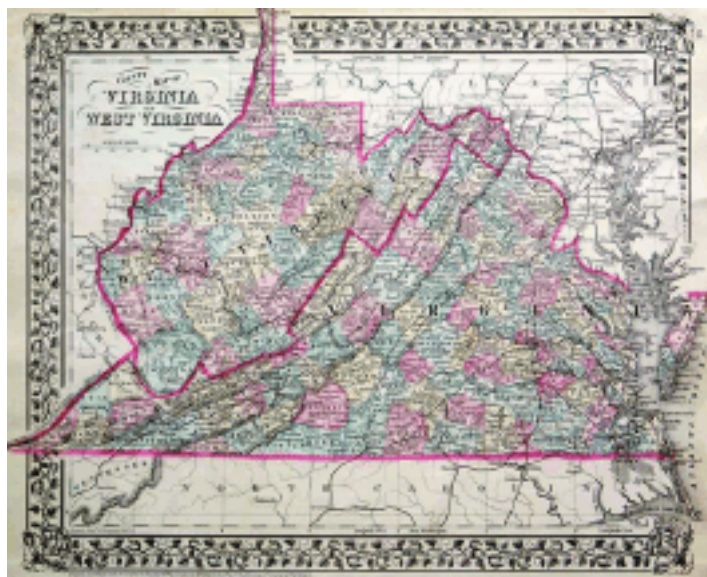
Сказанное не означает, что в Новом Свете сразу же воцарились республиканские добродетели. Между прочим, этика пуритан высшими ценностями, наряду с трудолюбием, объявляла расчетливость, стремление к накопительству, восхищение богатством и презрение к бедности. В колонии Нью-Йорк, как и в старой доброй Англии, богатые землевладельцы имели в провинциальной ассамблее своих представителей или заместителей. Подобно замкам, стояли огромные дома вверх по Гудзону – их охраняли вооруженные афроамериканцы-рабы, здесь содержались маленькие армии, а их владельцы вступали в собственные договорные отношения с индейцами. Среди студентов Гарвардского и Йельского университетов наибольшим уважением пользовались выходцы из состоятельных семей. В церквях, как в англиканских, так и в других протестантских, отдельные группы верующих размещались в соответствии с общественным положением. Представители старых семейств Вирджинии могли заставить простолюдинов ждать начала службы в церкви до того момента, пока они не разместятся на собственных скамейках в храме.

Старинные гравюры показывают, как выглядели простые горожане.

Общество оказалось стратифицировано по имущественному признаку, образовалась своеобразная социальная иерархия, на вершине которой располагались крупные землевладельцы. За ними следовали свободные фермеры, жившие в отдалении от побережья – они составляли основу населения Новой Англии и срединных колоний. Фермеры все более продвигались на запад, южнее Вирджинии, Владельцы земель были часто неграмотны, но именно их битва за жизнь стала той неповторимой составляющей американской культуры, которая определила ее облик, складывающийся на границе освоенного и неосвоенного, естественного природного и окультуренного мира. В этой особой «пограничной» обстановке демократических идеалов и вкусов (неизбежных при постоянной взаимовыручке, в атмосфере которой жили фермерские кланы) складывался дух американских пионеров, влиявший на формирование новой культурной традиции.

Третий слой американского населения составляли свободные ремесленники и рабочие, жившие в городах. Их было меньше, чем фермеров, неукротимо устремлявшихся в леса и степи. К четвертому слою принадлежали несвободные сельскохозяйственные рабочие, делом которых была черная работа. Часть из них находилась в рабстве временно, в перспективе был переход в третью социальную группу, другая часть работала на полях пожизненно, поколениями. На Юге страны это были рабы, принадлежащие хозяевам как имущество, по закону не подлежащее отчуждению.

Старинная карта Вирджинии

Плантаторы Юга

...В мае 1607 года три потрепанных штормами корабля под британским флагом бросили якоря в устье реки, получившей впоследствии название Джеймс. Люди, измученные четырехмесячным плаванием по бурному океану, ступили, наконец, на землю. Их изумлению не было границ. Как зачарованные, бродили они по берегу, усыпанному огромными устрицами. В небе проносились стаи невиданных птиц. В неоглядную даль уходили леса. Обширные поляны среди могучих дубов и величавых сосен были похожи на гигантские ковры, сотканные из ярких цветов.

Этой сказочно плодородной земле, которую пришельцы назвали Вирджинией, суждено было стать первой английской колонией в Северной Америке. Исконные хозяева – индейцы, доверчиво встретившие европейцев, довольно скоро были оттеснены в глубь материка.

И Христофор Колумб, и Америго Веспуччи поначалу решили, что попали в Эдем – так очаровал их пейзаж нового континента. Веспуччи вспоминал, что здесь было огромное множество теплых источников и бесчисленное количество деревьев. Иногда нежный запах трав и цветов и аромат спелых фруктов и корней овладевал путешественником настолько, что он возвращался к мысли о том, что находится по крайней мере рядом с земным раем.

Колонизация, задуманная как привлечение прибылей в активы Лондонской и Плимутской торговых компаний, быстро переросла намеченные рамки. Из Европы на далекий континент устремились не только те, кто хотел вложить свой капитал в доходное предприятие, но и многие тысячи обездоленных и гонимых, для которых Новый Свет стал единственной надеждой добыть средства к существованию или укрыться от религиозных, политических или юридических преследований.

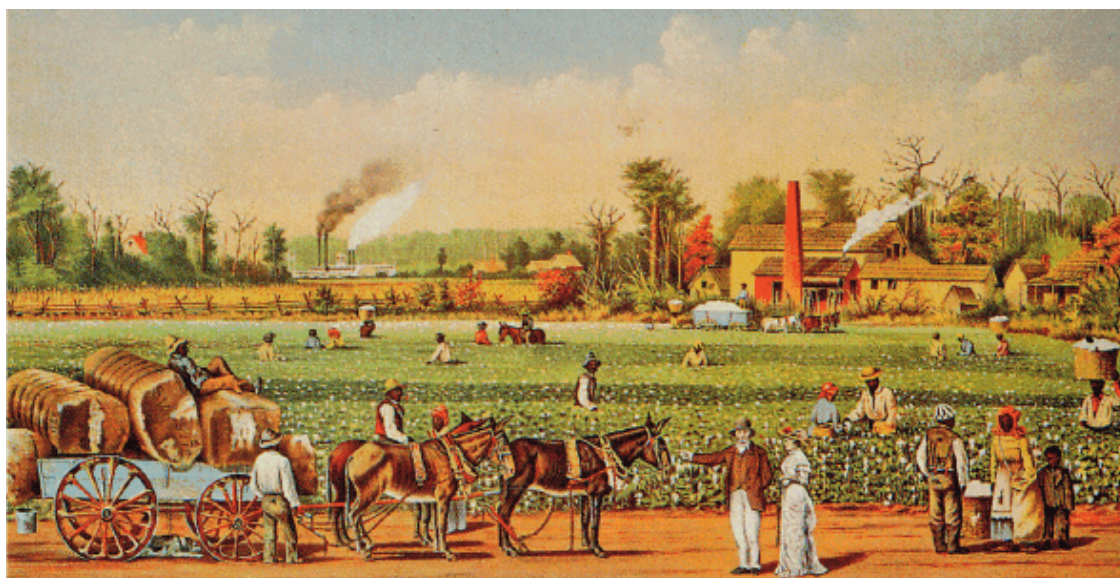
Начиная со второй половины XVII столетия поток переселенцев еще более увеличился. Буржуазная революция в Англии и диктатура Кромвеля, затем реставрация Стюартов и, наконец, еще один государственный переворот (1688–1689 годов) – каждое из этих бурных событий порождало новую волну беженцев за океан. Сюда устремлялись и выходцы из других европейских стран.

Вслед за первыми двумя колониями – Вирджинией на юге и Массачусетсом на севере – возникли Мэриленд, Коннектикут, Род-Айленд и Нью-Гемпшир. Затем к ним прибавились Северная и Южная Каролина, Нью-Йорк, Пенсильвания, Делавэр, Нью-Джерси, Джорджия. Образовались они на кромке огромного континента, но вскоре перенаселенность побережья побудила людей двинуться дальше на запад, все более оттесняя индейцев.

В Вирджинии, где уже в 1670 году проживало 40 тыс. человек, движение на запад было весьма интенсивным. Оно стимулировалось как непрерывным притоком населения, так и особенностями развития сельского хозяйства в этой колонии. Благоприятные природные условия позволяли колонистам не только обеспечивать себя продовольствием, но и разводить табак, пользовавшийся большим спросом в Европе. Табак приносил немалую прибыль, а потому и стал с самого начала главной сельскохозяйственной культурой Вирджинии.

Насколько быстро поняли вирджинцы выгодность возделывания табака, видно, например, из того, что уже в 1617 году им были засеяны даже улицы и рыночная площадь первого административного центра колонии – Джеймстауна. Одновременно это говорит и о том, что уже тогда переселенцам стало тесно вблизи устья реки Джеймс, где они первоначально обосновались.

Нехватка земель становилась все более ощутимой. К тому же табак в условиях хищнического ведения хозяйства быстро истощал почву. Поэтому его разведение в Вирджинии и других южных колониях постоянно требовало освоения новых территорий, что, в свою очередь, вызвало потребность в дешевой рабочей силе. Сначала широко применялся труд «законтрактованных» слуг, т. е. тех переселенцев, которые, не имея средств, в уплату за переезд в Америку давали письменное обязательство отработать на плантациях от двух до семи лет. А когда и этого оказалось недостаточно для удовлетворения потребности в рабочей силе, то стали завозить чернокожих из Африки. Чернокожие рабы были выгоднее, чем белые, так как они становились собственностью землевладельца и были обречены работать на хозяина всю жизнь.

Примерно так выглядели плантации на берегах Миссисипи. Помимо табака, распространенной культурой был хлопок.

Вирджиния тогда была самой большой американской колонией Англии и включала в себя территории, на которых в последующем возникло еще семь штатов – Западная Вирджиния, Кентукки, Огайо, Иллинойс, Индиана, Мичиган, Висконсин. Но основная масса населения в XVIII веке все еще жила вблизи побережья, тонкой струей растекаясь на запад и постепенно колонизируя новые земли.

Применение рабского труда привело к созданию крупных плантаций и обогатило их хозяев. На американском Юге возникла землевладельческая аристократия, сосредоточившая в своих руках основную часть освоенной территории, причем самую удобную – в прибрежной полосе, откуда сравнительно легко было переправлять табак и другую экспортную продукцию к океанским гаваням. В Вирджинии такую аристократию представляли семьи Рендольфов, Маршаллов, Мезонов, Бирдов, Картеров и некоторые другие, составившие местную знать. Помимо доходов от плантаций, многие из них занимались весьма прибыльной спекуляцией землей.

По существовавшему тогда закону вся территория Вирджинии являлась собственностью английского короля. Губернатор предоставлял право пользования землей тем или иным лицам, а они, в свою очередь, передавали это право другим. Разумеется, за определенную плату. Так возник земельный бизнес. Одна из его особенностей состояла в том, что перепродавались участки, находившиеся в необжитых местах, и потому их освоение требовало огромных усилий. Причем мелкие фермеры, которым, в конце концов, доставались небольшие наделы, в сущности, перед лицом закона даже не были их владельцами, так как земля по-прежнему являлась собственностью английской короны.

При таких условиях основу благосостояния составляло общественное положение семьи, и чем выше находилась она на социальной лестнице, тем прочнее были ее «права» на приобретенную землю. Иначе говоря, и эта привилегия принадлежала лишь колониальной знати. Последняя резко выделялась среди основной массы поселенцев – выходцев из беднейших слоев иммигрантов. Даже в середине XVIII столетия в Вирджинии и ряде других американских колоний Англии примерно три четверти белого населения в настоящем или в прошлом были законтрактованными слугами.

Антирабовладельческой была деятельность миссионеров, которые строили небольшие поселки для индейцев, в которых учили аборигенов читать и писать, обращая коренное население Америки в христианство, препятствовали его истреблению. Вот почему миссии нередко разрушались. На современной реконструкции показан типовой план миссии.

Отработав положенный срок в качестве белых рабов, они устремлялись дальше на материк и оседали по берегам рек, служивших в условиях полного бездорожья почти единственными транспортными артериями. Поскольку земель этим людям не жаловали, а для покупки участка у них не было средств, то они становились «скваттерами», самочинно захватывали незанятые участки без легального разрешения на собственность и работали на них, не уплачивая налоги.

Постоянные стычки с индейцами, оказывавшими мужественное, хотя и безуспешное сопротивление захвату принадлежавшей им территории, дополняли тяжелый труд, без которого невозможно было превратить в пашню почти сплошь покрытую лесами землю. Собственными руками удавалось освоить лишь весьма скромные участки, но основная масса

поселенцев довольствовалась и этим, радуясь обретенной наконец возможности прокормить семью, сея пшеницу, кукурузу и разводя скот.

Добиться большего удавалось немногим. К таким в основном принадлежали фермеры из прибрежной полосы, которые отправлялись на запад в надежде увеличить свое состояние. Они имели некоторые средства, а иногда и немного рабов. Это давало им огромное преимущество перед вчерашними белыми рабами, так как позволяло покупать и осваивать более обширные участки и постепенно превращать их в солидные поместья, основой процветания которых становилось разведение табака.

Вот в такой социальной обстановке происходило становление американской культуры – *аристократической наверху, демократической в своем среднем составе, рабской в нижнем слое общества.*

Если культурные традиции в тех или иных кланах и присутствовали, то они являлись, как уже говорилось, европейским наследием. Причем в отрыве от метрополии, от новинок литературы и науки, получить достаточное по английским меркам образование оказывалось нелегко, а то и вовсе невозможно. Упомянем, что полковник Джефферсон (отец государственного деятеля) собрал небольшую библиотеку и в свободное от своих многочисленных дел время любил читать, причем Библии предпочитал сонеты Шекспира и сатиру Свифта. Он пришел к выводу, что сын его должен стать образованным человеком. На том же настаивали и домашний учитель, и некий пастор Дуглас, обещавший дать своим ученикам «классическое образование», хотя имел для этого явно недостаточно книг. За пять лет обучения Джефферсон-младший получил у Дугласа не более чем поверхностное знакомство с латынью и греческим, а также французским языками.

Юлиус Брутус Стимс. Фермер Джордж Вашингтон. Вашингтон владел 123-мя рабами

Если повнимательней взглянуть на личность буквально любого из южан, впоследствии отличившихся в грядущей Войне за независимость Америки от Англии, то мы увидим, что они любили лучшее в одежде, рифленные рубашки, золотые украшения, прекрасные кожаные изделия, серебряные безделушки. «Пришли мне все, что в моде», – писал своему другу в Лондон молодой Джордж Вашингтон. Его обычай пить пять полных рюмок мадеры – хорошего, благородного вина – за обеденным столом был хорошо известен. Будущий первый президент обожал конские скачки и игру в карты. Его влекли также театр, цирк, петушиные

бои, танцы и охота на лис. В течение 1768 года он двадцать девять раз приглашал гостей и семь раз был приглашен сам. Постепенно светские обычаи широко распространялись в молодом государстве. Южная столица – Чарльстон – привлекала музыкантов и лекторов. В театрах английские пьесы ставились наряду с местными сочинениями.

Колледж Уильяма и Мэри, одно из первых учебных заведений в американских колониях Англии, был основан в 1693 году. К тому времени в Вирджинии уже существовали десятки крупных имений. Их владельцы богатели, используя труд рабов, число которых достигало почти шести тысяч, и стремились во всем подражать английской знати. Подобно ей они желали дать своим сыновьям образование и потому отправили своего представителя, некоего Блейра, в Лондон за разрешением создать колледж. Эта просьба вызвала недоумение в английской столице, Королевский верховный прокурор Сеймур удивленно спросил, зачем в Вирджинии нужен колледж. Блейр заговорил о необходимости «возвышать дух» поселенцев посредством образования. Легенда, впрочем, подтвержденная фактами, гласит, что прокурор был поражен. «Дух? – воскликнул он. – Лучше разводите табак!» Но так как подходящего предлога для отказа все же не нашлось, пришлось разрешение на постройку колледжа дать.

Колледж разместился в Вильямсбурге, ставшем административным центром Вирджинии. Это учебное заведение с самого начала значительно отличалось от европейских. В пуританских колледжах американского Севера готовили преимущественно проповедников. Здесь же, наряду с богословским факультетом, имелся и другой, где преподавали математику, физику, философию, историю, географию, литературу, юриспруденцию. Так реализовывалась мечта богатых вирджинских плантаторов – дать наследникам полноценное образование, не посылая их в Англию, не отрывая от земли, ее обычаев и параллельно прививая навыки ведения хозяйства.

В колледже Уильяма и Мэри единственными светскими профессорами были горячий приверженец идей европейского просвещения доктор Уильям Смолл, читавший лекции почти по всем упомянутым предметам, и убежденный антироялист Джордж Уайт, самый известный вирджинский адвокат, преподававший право. Доктор Смолл происходил из Шотландии, был профессором математики, человеком глубоких знаний в области большинства прикладных разделов науки. Помимо профессиональных достоинств, он обладал счастливым талантом общения, корректными манерами джентльмена, либерально настроенным умом. А Джордж Уайт стал одним из авторов знаменитой Декларации независимости США, того самого документа, с которого и начинается история Америки не как английской колонии, а как самостоятельного государства.

Усилиями преподавателей колледжа к любимым вирджинцами поэмам Гомера и Вергилия теперь прибавились Сократ, Плутарх и Сенека, Студентов восхищало учение Демокрита и Эпикура о счастье людей как цели философии и их атомистический материализм, разрушавший религиозные представления. Разбуженная мысль обращалась к современной философии, к Вольтеру, Монтескье, Руссо. Зачитывались сочинениями Бэкона, Ньютона и особенно «Опытом о человеческом разуме» Локка, ставшим уже тогда идейным путеводителем для идеологов демократического направления американской революции.

Колледж Уильяма и Мэри

Колониальные хронисты об основаниях американской культуры

Первыми, кто описал начальный этап развития культуры североамериканских поселений, принято считать Джона Смита, Уильяма Бредфорда и Джона Уинтропа, которые стояли во главе прибывших из Англии поселенцев и фиксировали на бумаге все, что видели. Вчерашние европейцы несли с собой опыт и традиции историографии Старого Света. Хронисты-проповедники опирались, в частности, на опыт монастырских летописей средневековой Европы. Их хроники представляли собой совокупность волнующих эпизодов, природоописания и географических маршрутов.

В первые полтора столетия качество и уровень зрелости исторических сочинений определялись во многом литературным мастерством их авторов. Попытки истолкования событий исходили главным образом от теологов и уж, во всяком случае, находились в рамках концепции воздействия Провидения и высшего разума на человеческую жизнь. Ранние американские хроники и путевые отчеты написаны преимущественно для европейских читателей. Непременной частью этих записей были сведения о наилучших морских путях, воспроизводилась линия морского побережья с указанием удобных гаваней и мест впадения рек, описывались климатические условия, качества почвы, флора и фауна. Преподносились советы об обращении с индейцами. Почти каждый автор считал необходимым высказать свои соображения о наилучшей политической и экономической организации поселений. Все это свидетельствует о том, что первые исторические сочинения колониального периода были созданы с чисто практическими целями.

Сам факт быстрого появления творений Смита, Уинтропа и Бредфорда указывал на то, что ими руководил интерес не строго исторический. Записки первых переселенцев были адресованы не соседям, занятым трудной борьбой за существование, а той аудитории, которая за океаном ждала известий из колоний. Отчет о ходе освоения новых земель читали пайщики Лондонской и Плимутской компаний. И вывод, который следовал из писаний Смита и его коллег, был недвусмысленным: колонии нуждались в новых поселенцах и в новых средствах.

Покахонтас спасает жизнь капитану Смит.

Капитан Джон Смит (подробнее о хрониках Бредфорда и Уинтропа см. ниже, в гл. II), открывший перечень летописцев североамериканских колоний, входил в тот круг полукупцов-полупиратов, который выдвинулся во время правления Елизаветы. Он находился на службе у колониальных компаний, вначале у Виргинской, а после разрыва с ней – у Плимутской. Последние шестнадцать лет своей бурной жизни, вплоть до смерти в 1631 году, капитан Смит, возвратившись в Англию, занимался литературным трудом.

Как исторический писатель Джон Смит известен краткой хроникой с длинным названием: «Истинное повествование о достопримечательных событиях и происшествиях, случившихся в Вирджинии со времени учреждения этой колонии». В своем сочинении Смит описывал отчаянное положение Джеймстауна, отмечал скупость и алчность пайщиков компании. Значительное место в тексте отведено взаимоотношениям поселенцев с местными племенами.

Трудности, о которых автор рассказывал, описывая рост колонии, велики, но Смит уверял, будто эти тяготы существовали лишь вначале. По прошествии лет новопоселенцу, по его словам, гарантировано богатство. Смит откровенно писал, что далек от мысли, будто какой-либо другой мотив, кроме обогащения, мог побудить коммерческие компании раскошелиться и создать новые фактории. В заключении к своей книге автор выражал надежду на будущее процветание Вирджинии и подчеркивал, сколь прибыльно для Англии торговать с нею.

Другое сочинение Смита – «Описание Новой Англии» – имеет более спокойный тон. Здесь перед автором не стояли задачи самооправдания или рекламы, как в «Истинном повествовании...». В 1621 году Совет Вирджинии в Лондоне пригласил капитана Смита

написать полную историю колонии. Он охотно согласился, став на путь компиляции своих же прежних изданий и широко используя труды других авторов. В результате написанная им шеститомная «Общая история Вирджинии» свидетельствовала о богатой фантазии автора и об отсутствии у него излишней скромности. Собственно авторское начало присутствует лишь в сравнительно небольшой части текста: остальное место занял пересказ всевозможных историй, сохраненных и приукрашенных памятью первых поселенцев.

В любом случае Смит удалось запечатлеть основание английского колониального предприятия в Америке. Его работа представляет собой письменный памятник долгой и упорной борьбе колонизаторов-американцев за существование, зарождению у них стойких культурных оснований в самом начале пути.

Американские колонии Англии возникли в контексте складывающегося в Европе XVII века западного буржуазного общества, основные элементы которого к этому времени были уже налицо. За полтора столетия Вирджиния и другие области значительно продвинулись в развитии экономических отношений. Основным занятием населения по-прежнему оставалось сельское хозяйство. В южных колониях – Вирджинии, Мэриленде, Северной и Южной Каролине, Джорджии – утвердилась плантационная система, основанная на применении труда рабов-афроамериканцев.

Параллельно закладывались основы правовой системы будущего независимого государства. Так, например, в Вильямсбурге отчетливо определились две адвокатские школы. Одна из них, признанным руководителем которой был известный юрист Пендлтон, стремилась воздействовать на судебный процесс, обращаясь скорее к чувствам, чем к рассудку членов суда и зрителей процесса (большинство судебных заседаний в те годы являлись открытыми). К числу адвокатов этого направления, блиставших красноречием, предпочитавших страсть логике доказательств, принадлежал, в частности, и один из будущих трибунов революции – Патрик Генри. Другая школа стремилась к рациональной аргументации.

Контрольные вопросы

- 1. Наследие каких народов повлияло на становление американской культуры?*
- 2. Каково влияние социальной стратификации на культуру формирующегося американского общества?*
- 3. Труды каких первых американских хронистов легли в основу истории американской культуры?*

Глава вторая Нация пуритан

Новая Англия

Шекспир в «Двенадцатой ночи» выводит образ пуританина Мальволио, про которого другие персонажи говорят, что его святость препятствует наличию в мире пирогов и хмельного пива. Примерно в такой логике рассуждала Англия Кромвеля, которая с увеличивающейся настойчивостью посылала своих представителей в Северную Америку, вытесняя оттуда голландцев, шведов, испанцев и французов: чем больше окажется в колониях британских ревнителей морали, непригодных в английском обществе, тем больше прибылей получит метрополия. Этические нормы пуритан были жестоко высмеяны и каленым железом выжжены в Европе, однако за океаном их носители оказались беззаветными «отцами-пилигримами». И, в конечном счете, хотя пуритане и ушли с дороги европейского культурного развития, они сохранили за собой положение *основателей американской культурной традиции*.

Долгое время правление пуритан в Америке изображали как некое варварство, их идеологию – как глухой религиозный дурман, а исторические подробности мало кого интересовали. Незнание в значительной мере развеял исследователь Шоулз, выпустивший в 1962 году капитальное исследование *пуританской культуры*. Пожалуй, эта массивная книга под малообещающим названием «Пуритане и музыка» служит лучшим исследованием влияния реформаторов англиканской церкви на американскую культуру. Шоулз рассмотрел все аспекты культурной жизни формирующегося американского общества: музыка, поэзия, отношение к жизни, интеллектуальное осмысление бытия – все это находило здоровое обоснование в новом церковном учении, которое (как и в немецком лютеранстве) декларировало необходимость освобождения от прежних религиозных стереотипов.

Пуритан представляли себе по-разному, но обязательно они выглядели либо чересчур мрачными, либо слишком смешными. Так, например, строил образ пуританина замечательный советский артист Н. А. Светловидов (1889–1970), исполнявший роль Мальволио.

Э. Хикс. Уильям Пени легализует право на владение индейскими землями. Нач. XIX в.

Шоулз убедительно доказывает, что нарочитая суровость законов штата Коннектикут – скорее легенда, чем историческая истина. В реальности подобного кодекса никогда не существовало. Пуританская культура была построена на иных, гораздо более привлекательных основаниях: суверенность, законность, странное сочетание покорности и мятежности духа, уважение к науке, восхищение природой, приверженность истине, склонность к умеренным удовольствиям, уважение к разуму, справедливости, милосердие как норма жизни... Все эти черты при детальном исследовании мы обнаруживаем в мировоззрении пуритан, высадившихся в Массачусетсе и Коннектикуте. Безусловно, в нем присутствовали и отрицательные начала, особо отмеченные сторонниками англиканской церкви, но далеко не только они одни.

Культурная жизнь пуритан *не пропала* за мрачным религиозным рвением. Напротив, они были готовы к идеологической и религиозной битве и с яростью и страстью вели ее – об этом свидетельствуют тысячи памфлетов и расширенных проповедей, публиковавшихся в североамериканских колониях Англии. Во многих отношениях это складывающееся мировоззрение было проявлением едва ли не лучших черт западного разума.

Интересно, что лучшие представители западной культуры именно в Америке реально и практически встретились с пониманием неразрешимости жизненного конфликта. И дело не в людском невежестве или извращенности, а в том, что по природе своей человеческие желания и надежды порождают противоречивые идеи, которые нельзя привести к общему знаменателю некой умозрительной всеобъемлющей системы миропонимания или единообразия.

Уже говорилось, что известным хронистом Новой Англии был Уильям Бредфорд. Он происходил из семьи английского фермера и уже в ранние годы связал свою судьбу с гонимой церковью пуритан. В вынужденной эмиграции на континент, в Голландию, и в последующем переселении пуританской общины в Новый Свет Бредфорд, видимо, играл значительную роль. Он стал вторым губернатором Нового Плимута и занимал этот пост в течение тридцати лет. «История плимутского поселения» Бредфорда охватывает период от 1620 года, когда корабль «Мэйфлауэр» доставил поселенцев к долгожданным берегам, до 1646 года.

Книга послужила важным источником для более поздних историографов. Форма и стиль повествования предельно лаконичны. Возвышенные настроения автора, его покорность воле Провидения вылились в суровый рассказ, звучащий большим контрастом пышным описаниям Джона Смита. Скупыми словами повествует Бредфорд о поисках места высадки, о выборе побережья залива, открывшегося за мысом Код, о первых днях нового поселения. Ему вполне хватает красок для передачи трагического пафоса первой зимовки. Он пишет, как умирали люди – иногда по двое, по трое в день, как из ста с лишним человек осталось в живых меньше пятидесяти. Болезни и голод держали общину в крайнем напряжении: мужество первых поселенцев подлинно и не нуждается в приукрашивании. Рассказывает Бредфорд и о встрече с индейцами, вдохнувшей надежду в отчаявшихся обитателей Нового Плимута. Говорит о первых шагах здешнего сельского хозяйства и замечает, что в неурожайные годы колонисты научились заниматься морским промыслом.

Уильям Бредфорд

Бредфорд знакомит читателя со многими сторонами жизни в колонии. Он обсуждает вопрос о новом пасторе, делится впечатлениями о поездках в глубь континента, осуждает торговлю оружием с индейцами, обнаруживает на удивление терпимое отношение к «еретику» Роджеру Уильямсу, изгнанному из колонии за свои религиозные убеждения.

Негодованием полны строки Бредфорда (столь бесстрастно, безропотно писавшего о гибели половины общины в первую страшную зиму), когда он говорит о неистребимой суетности человеческого разума. Как проникательный наблюдатель, он видел опасности, которые таит будущее. Глава плимутского поселения напоминал тем, кто уклонялся от исполнения заветов отцов и отказывался от безусловного подчинения, о пуританском наследии и грозил карой небесной. Его страшил распад пуританской церкви на враждующие секты, он пытался заострять внимание единомышленников на общем и объединяющем, подавлять попытки сепаратизма.

Третьим известным хронистом раннего периода, как уже говорилось, является Джон Уинтроп. В течение девятнадцати лет этот бывший английский аристократ находился у руля управления колонии и многим способствовал ее росту. Уинтроп имел юридическое образование и являлся последовательным теоретиком пуританства. Ему представилась возможность претворить свои теории в жизнь в качестве губернатора Массачусетса. Его дневник этого периода получил сокращенное название «История Новой Англии с 1630 по 1649 год».

Джон Уинтроп

Записки Уинтропа – менее связанное и цельное повествование, чем хроника Бредфорда; по общему мнению, они уступают первым также и в литературном отношении. В оправдание несовершенств рассказов Уинтропа ссылаются на его повседневную занятость, исключавшую возможность детальной обработки материала и настойчивого чисто литературного труда. Впрочем, ежедневные записки, носящие характер отчета, имеют и некоторые достоинства. Перед читателем встает картина тягот первых лет существования колонии, он знакомится с конкретной деятельностью группы пуритан, организовавших массовую миграцию своих единоверцев в Новый Свет. Первым жителям берегов залива Массачусетс пришлось победить голод, холод, болезни, ностальгию и внутренние раздоры. Стоило колонии подняться на ноги, как начался ропот, направленный против главенствующих лиц.

Уинтроп фиксирует и значительные, и мелкие, попавшие в поле его зрения эпизоды. Как губернатор он был занят большим кругом вопросов, ему приходилось интересоваться всеми сторонами жизни поселения. Он организовал регулярное почтовое сообщение между метрополией и колониями, между южными поселениями Вирджинии и колонистами Массачусетса, завязал отношения с Вест-Индией. В частности, его беспокоили требования поселенцев увеличить плату за свой труд: это неизбежно отозвалось бы ростом цен на колониальные товары, и поэтому Уинтроп установил твердые заработки для представителей разных профессий.

Главной заботой губернатора Массачусетса – прежде всего пуританского лидера – продолжает оставаться борьба за единство единоверцев. Причем в этой борьбе для него хороши, кажется, все средства. Скажем, Уинтроп оправдывал гонения на квакеров и другие секты тем, что они подрывали это единство, а бедствия вирджинцев подавал как Божье наказание за изгнание пуританских проповедников.

Хроники Бредфорда и Уинтропа имеют общие черты: с одной стороны, это желание убедить читателя в исключительности миссии их церкви в «земле обетованной», с другой –

стремление оградить общину от раскола рассказом об общих тяготах, общем наследии. Такая линия главенствовала в созданной пуританами историографии со времен «отцов-пилигримов» до конца XVII века.

Автором первой печатной истории Массачусетса был Эдвард Джонсон – соратник начинаний Уинтропа, но личность менее значительная. Его «Чудотворное Провидение Сионского Спасителя в Новой Англии» вышло в свет анонимно в Лондоне в 1654 году. Эта хроника значительно уступает предыдущим. Свои фанатические религиозные воззвания автор обращал к критикам «евангельского порядка по слову Божию» в Новой Англии и к диссидентам типа Анны Хатчинсон, первой женщины-проповедника в Новой Англии и, по сути, провозвестницы феминизма. Частые риторические отступления делают чтение хроники Джонсона трудным. Не занимая ответственного поста, подобно Уинтропу или Бредфорду, писатель не сумел увидеть и показать панораму общего развития колонии.

Во второй половине XVII века повышенный интерес к становлению американской культуры проявил основанный здесь в 1636 году Гарвардский колледж, а затем и университет. Уильям Хабберд, выпускник Гарварда, написал историю Новой Англии. Но его книга не удовлетворила пуританских ортодоксов. Натуралистическое толкование многих моментов, отказ изобразить Новую Англию «землей обетованной», сквозящее между строк нежелание видеть в каждом случае непосредственное вмешательство Провидения лишили Хабберда поддержки пуританской олигархии. Хотя он получил свой гонорар (книга писалась по заказу), его труд увидел свет лишь много лет спустя.

Задачу отстаивать «истинное учение», пользуясь примером североамериканских колоний, взял на себя один из столпов теократии – Инкриз Мазер, когда-то бывший в числе первых выпускников Гарварда. В свое время он находился в рядах армии Кромвеля, а по возвращении в Массачусетс занял место президента Гарвардского университета. Как воплощение пуританской учености он преподнес общине свою точку зрения в сочинении под названием «Краткое описание положения Новой Англии от основания этой колонии до настоящего времени». Этот опус имел форму письма английскому другу Мазер останавливал внимание на том, что переселенцы появились в «пустыне» Новой Англии по зову своей религии и благодаря ее поддержке подчинили себе индейцев и природу. Памфлет – а именно такой характер носит небольшой по объему труд Мазера, – кроме паствы, адресуется и лондонскому правительству. Инкриз Мазер отмечал, что успехи сыновей истинной церкви в Америке приносят немалый доход королевской казне.

Не удовлетворенный предшествовавшими хрониками, Мазер призывал к созданию «первой подлинной истории Новой Англии». Эту задачу взялся выполнить его сын – преподобный Коттон Мазер.

Инкриз Мазер

Выходец из Бостона, Коттон Мазер был человеком необычайной учености и энергии. Именно его восприимчивость к жгучим проблемам современности привела к победе поселенцев над эпидемией оспы, к установлению регулярных отношений с индейскими племенами. Он воспитал в поселенцах Новой Англии чувство исторической полноценности, ощущение собственного участия в глобальном цивилизационном процессе наравне с британской прародиной, заглушил убогий провинциализм и восславил возможности разума. Ко времени его смерти (1728), верные его заветам, жители американских колоний утвердились в понимании собственной причастности к общецивилизационному развитию Запада.

В 1702 году из-под пера Мазера-младшего вышло сочинение «Духовная история Новой Англии», изданная в Лондоне. Мазер начинал книгу библейскими пророчествами о заселении американских земель. Свои взгляды автор изложил в предисловии, в котором подчеркивал, что во всех исторических сочинениях первое место следует отдавать истории церкви, а не светских институций. Религиозное рвение Коттона Мазера достигло апогея в главе «О чудесах невидимого мира», где этот университетский эрудит выступал с оправданием печально знаменитой массовой «охоты на ведьм» в Салеме.

Средневековый фанатизм проступает и в главе «О божьих войнах», Здесь Мазер клеймит всех отступников, призывает кару небесную на новые религиозные секты, оправдывает гонения на еретиков и безжалостное истребление индейцев. Подлинное уныние вызывает у Мазера безразличное отношение современников к борьбе за чистоту нравов и торжество истинной веры. В заключительных абзацах своей громоздкой истории он находил главную опасность не где-нибудь, а в размягченных сердцах сограждан, которые готовы смириться с неизбежным в таком случае вырождением. Надеясь на Бога, Который Один знает, что будет в итоге со страной, Мазер тем не менее не удерживается от меланхолии.

В книгу «Духовная история Новой Англии» включены биографии проповедников, описаны войны с индейцами, в ней приведены все очевидные для автора свидетельства «выш-

него вмешательства». Повествование ведется в неизменно наставительном тоне. Труд Коттона Мазера был последней попыткой удержать расходящееся по побережью пуританское население общими догматами и памятью о деяниях отцов. С этой целью автор использует любые аргументы – как земные, так и «небесные». В некотором смысле это был последний бой ортодоксального пуританского священства за унитарную Новую Англию.

Коттон Мазер

Вместе с тем стоит особо подчеркнуть, что И. Мазер и К. Мазер вошли в историю как организаторы «охоты на ведьм» в Салеме в 1682 году. По обвинению в колдовстве (закон, позволяющий применять против ведьм смертную казнь, был принят в Массачусетсе в 1641 году и явился, таким образом, американской версией законодательных актов католической Инквизиции) были повешены девятнадцать человек, а восьмидесятилетний старец – забит камнями. Около сотни подозреваемых в колдовстве (среди них и дети) были брошены в тюрьму. Надо сказать, что Коттон Мазер издал особый труд, посвященный распознаванию ведьм и способам борьбы с ними.

В 1701 году Инкриз Мазер – живое воплощение пуританизма в его крайней, фанатической форме – был вынужден оставить пост президента университета. Это событие знаменует начало конца пуританской теократии в Новой Англии. Продолжатель дела отца, К. Мазер был одним из последних представителей религиозной элиты, которая без малейшего сомнения ссылалась на перст Божий в объяснении любого факта истории Америки.

XVIII век предложил свою версию толкования прошлого, свою концепцию формирования американской культуры. Наряду с традиционными историографами – священниками, во всем видящими волю Провидения и осуществление «божественного промысла», – теперь за перо взялись представители новых сил, рождающихся в колониях: плантаторы, адвокаты и другие представители светских профессий.

Так, например, дневник Сэмюэла Сьюолла, написание которого относят к 1673–1729 годам, отразил происшедшие в Америке изменения. Видно, что суровые проповеди, посто-

янно встречающиеся на страницах Бредфорда и Уинтропа, оказываются уже неуместными, «несовременными». Практичность и деловитость Сьюолла, главного судьи Массачусетса, явились показателями новых веяний. Достаточно сказать, что Сьюолл единственный из трибунала признал несправедливость салемского приговора, а в качестве судьи всегда выступал за возможно более гуманное отношение к индейцам и неграм.

Образ жизни

Оптимальным подходом к рассмотрению картины культурного развития американских колоний до завоевания независимости является выделение трех отчетливо обозначившихся регионов – пуританской Новой Англии, принадлежавшего лендлордам Юга и торговых срединных колоний. В каждой из этих областей культурное развитие имело, безусловно, ярко выраженную специфику.

Поселенцев в Новой Англии изначально было немного, но уже первые сто человек образовали плотно спаянную коммуну. Они были своего рода воском в руках своих религиозных лидеров. Однако нельзя забывать, что именно пуритане принесли на новый континент культурную *доктрину равенства для всех*.

В первые годы после прибытия новопоселенцев на «Мэйфлауэре» в Америку (1620) и учреждения праздничного Дня Благодарения в честь благополучного исхода путешествия пуритане еще не порывали связей с единоверцами, оставшимися в Англии. Люди, идеи и страсти путешествовали по океану в обе стороны. В этом смысле американская Новая Англия еще практически ничем не отличалась от Старой Англии.

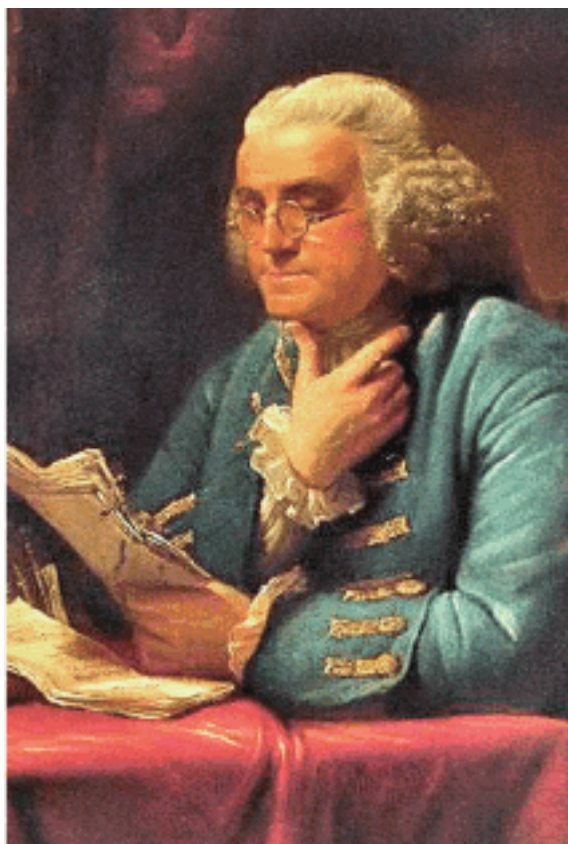
Явлением огромной важности для формирования американской культуры явилась роль пуританизма как первого радикального движения, с самого начала возобладавшего в северных американских колониях. И поразительно то, что свое американское «приключение» первопоселенцы начали с подписания специфического «социального контракта», основанного главным образом на церковных установлениях. Поколение Кромвеля проявило себя на новых территориях с той же жесткостью, если не жестокостью, с которой оно в самой Англии отвергало «легкомысленный» блеск предшествующей елизаветинской эпохи – времени британского Ренессанса. По субботним и праздничным дням никто не смел и пальцем пошевелить, чтобы сделать какую-нибудь полезную работу – вся община дружно слушала Библию. В семнадцатом веке никто не посмел бы открыть поблизости от Бостона театр. Пьянство и адюльтер приравнивались к смертным грехам.

Послабления наступили после 1691 года, когда в Америку хлынули преследуемые в Европе пресвитериане и гугеноты. Постепенно – к восемнадцатому веку – волна католиков, шотландцев и ирландцев, ослабила «дисциплину субботы», открыла возможности, например, для продажи рома. В основной законодательной хартии появилась статья, согласно которой наличие собственности, а не принадлежность к пуританской церкви стало условием получения права голоса, а значит, и гражданства.

Обладающие завидной родословной и материальным достатком южные семьи жили в абсолютно иной атмосфере. Радостное восприятие жизни, неукротимое стремление не отстать от моды, подражание лондонцам в стиле жизни и мировоззрении делали крупные родовые гнезда лендлордов очагами европейской культуры, в основном светско-гуманистической и, во всяком случае, далекой от религиозного фанатизма. Здесь процветала охота на лис, танцы, питейные соревнования, скачки, петушиные бои, азартные игры. Различие двух регионов молодой Америки объяснимо. На Юге высокая культура расцветала благодаря дешевому труду рабов, на Севере гигантские усилия ради выживания ставили под сомнение саму возможность легко и без натуги решать все жизненные вопросы.

Третий тип адаптации к колониальным условиям жизни представляют собой срединные колонии, выросшие вокруг Филадельфии и Нью-Йорка. Тон здесь задавали квакеры – английские сектанты, отрицавшие церковные таинства и священство, настаивавшие на возможности союза человека с Богом безо всяких посредников, говорившие о необходимости нравственной чистоты, ненавидевшие войны, стремившиеся деятельно помогать ближнему. Квакеры создали эталон простой и мудрой жизни, в которой нравственное совершенствование ценилось выше, чем осознание собственной греховности, как на Севере. Веление внутреннего света, горящего, по мнению квакеров, в каждом человеке, значило для них больше, чем суровые ограничения. В каждодневной жизни квакеры избегали танцев и шумных увеселений, но не осуждали их у своих южных соседей или в собственных растущих городах. Идеалом квакеров также было равенство; но в своем спокойном и человечном обращении к Богу они не походили ни на истовых пуритан Новой Англии, ни на поглощенных модными идеями вирджинцев. Проповедуемое ими уважение к инакомыслящим много значило для становления американской культуры и цивилизации.

Квакерская столица Филадельфия стала центром религиозной терпимости и благоразумия. Здесь была создана первая в Америке библиотека, первый юридический журнал, первая медицинская школа и госпиталь. На всей обширной территории североамериканских колоний Филадельфия явилась научным центром, в котором изучались естественная история, астрономия, математика, физика. И бежавший из Новой Англии Бенджамин Франклин недаром избрал в качестве места своего проживания «город братской любви» – Филадельфию. Тогда-то она и стала культурной и духовной столицей североамериканского мира.

Бенджамин Франклин

К началу восемнадцатого века жизнь колоний была колоритным смешением высокого и низкого, высокоумного и примитивного – к такому мнению приходили путешественники,

навещавшие заокеанские владения Британии. На полках библиотек южных плантаторов стояли редкие французские книги. Элегантность царила на званых филаделфийских обедах. В Бостоне смело рассуждали о мировых проблемах. В то же время фермеры, пионеры осваиваемых глубин континента, существовали едва ли не в первобытных условиях, и задача выжить исключала даже намеки на культурную рафинированность, характерную для усадеб патрициев атлантического побережья.

Как уже говорилось, образцом высокой культуры служила Англия – имеется в виду прежде всего Англия XVII века, эпохи буржуазной революции, свергнувшей короля, но лишь утвердившей власть Бога. А это означало, что первой отвлеченной дисциплиной в школах и нарождавшихся колледжах была теология.

Британия дала Америке отправную точку культурного развития – в аспектах социального устройства, политической организации, основных культурных устремлений. Но местные обстоятельства сразу же начали оказывать свое мощное воздействие, модифицируя и изменяя первоначальные установки. Разумеется, основой идейного развития колоний долгое время служило богословие. Священники еще вели свою паству, выступали судьями, являлись авторами книг, учителями школ и колледжей, интерпретаторами главных проблем североамериканской жизни и основными авторами законов. На полках старых библиотек стояло внушительное число трактатов о первородном грехе и наказании грешников.

Однако постепенно, в дальнейшем, теологическая продукция в значительной степени утрачивала влияние на культурную жизнь Америки. Некоторые религиозные авторы начали говорить о самом бренном мире, и эта линия имела несомненное продолжение в книгах об индейцах, о предотвращении кораблекрушений, о ведении боевых действий. И хотя американская литература, философия, общественная мысль приобретали все более ярко выраженный светский характер, все же исторически сложилось так, что у основания ее стояли священники.

Проповедники и судьи

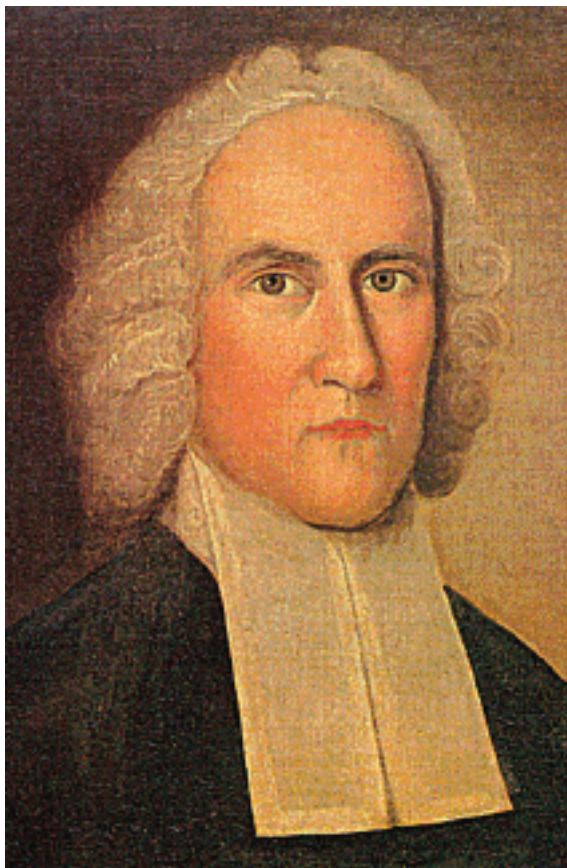
Последователи англиканской церкви на юге, в Вирджинии, ревностно сохраняли основы своей веры; французы на севере и западе, как и испанцы в Мексике и Южной Америке, были преданными католиками. На родине они не смели протестовать против воли и мнения своих епископов, против эксцессов Инквизиции, против могущества иезуитов. В Англии они оставили ненависть короля Якова (Джеймса) I, пообещавшего «вышвырнуть их из страны». Впереди горели костры в селениях пока еще мирных, не ожидавших вторжения индейцев, маячила угроза вымирания неприспособленных к местным условиям европейцев от голода. Но и виделась перспектива жизни без епископов.

Исподволь созревавшее желание представителей разных народов обрести свободу вероисповедания никак не преуменьшает заслуг третьего президента Америки, автора Декларации независимости Томаса Джефферсона, юриста и общественного деятеля Патрика Генри и борца за суверенность страны Сэмюэла Адамса. В культурном коде Новой Англии четко просматривается основа американского национального мифа – представления о должном образе жизни, полные выпуклых образов и ярких сцен приспособления иммигрантов к новым условиям.

Достойным продолжателем провозглашенной Мазером идеи самоутверждения юной американской нации явился выходец из Коннектикута Джонатан Эдварде, Эта интеллектуальная звезда Йеля сочетала темперамент необычайной силы с глубинным анализом явлений и процессов, захвативших североамериканские колонии в XVIII веке.

Теологические работы Эдвардса читали от Голландии до Бейрута, где его книги в XVIII веке переводили на арабский язык, Благодаря Эдвардсу Америку перестали рассматривать

как окраину мира; за страной начали признавать особенный статус и достоинство. Не стоит забывать, что всем этим Америка обязана своим великим проповедникам, образованность и страстность которых опровергали представления о «провинциальности» заокеанских жителей. Позднее Фихте назвал Эдвардса самым оригинальным мыслителем страны.

Джонатан Эдвардс

Разумеется, это была еще «донаучная» стихия теологического теоретизирования. Но, тем не менее, неистовые теологи заставляли работать типографские машины североамериканских центров учености, побуждали европейцев с уважением вчитываться в написанные здесь произведения, утверждая положение американцев в авангарде великого века Просвещения. И, в конечном счете, для становления Америки стал важным не чудовищный всплеск фанатизма, действительно имевший место, а дух рассудительности и практицизма, участие всех прихожан в обсуждении безграничного спектра вопросов, от религиозных до сугубо практических. В конце концов, массачусетские судьи были не большими фанатиками, чем их современники Генрих VIII в Лондоне и Кальвин в Женеве, не говоря уже об эксцессах испанской Инквизиции. Важно отметить, что судьи Новой Англии достаточно быстро останавливали поток обличений и приговоров, например, в процессах «ведьм», найдя в себе смелость оправдать абсолютное большинство заподозренных в колдовстве и тем самым заложив основы толерантности, которая стала значить в Новом Свете больше, чем при дворах феодальных владык Европы.

Культура печатного слова

Показательной с точки зрения «новых тенденций» была «История Вирджинии» Роберта Беверли, появившаяся в 1705 году, и особенно ее второе издание (1722 год). Вир-

джинский аристократ, много путешествовавший по Европе, Беверли писал на хорошем континентальном уровне. При этом он враждебно относился к большинству губернаторов колонии и симпатизировал индейцам: его аргументированные мнения звучали диссонансом уже установившейся традиции, «История Вирджинии» Беверли отличается критичностью взгляда. Заказ на книгу был сделан придирчивым лондонским издателем, чей скепсис усилил недоверие Беверли к ранним хроникам.

«История Вирджинии» Роберта Беверли

Остин-холл Гарвардского университета

Подобным же светским духом характеризуются сочинения другого богатого вирджинца – Уильяма Бирда, владельца крупнейшей в колонии библиотеки в четыре тысячи томов. Его версия основания Джеймстауна в «земле обетованной» звучит иронически: он говорит, что новопоселенцы, как истинные англичане, сначала построили простенькую церковь, которая обошлась в пятьдесят фунтов стерлингов, а сразу же после – таверну стоимостью в пятьсот.

«История пограничной линии» Уильяма Бирда была создана на основе личных наблюдений автора, члена комиссии по размежеванию Вирджинии и Северной Каролины. Бирд олицетворял аристократическую верхушку штата. Его презрительное отношение к скваттерам – свидетельство его однозначной классовой позиции. Бирд хорошо знаком с жизнью южных колоний. И сколько бы он ни иронизировал по поводу менталитета соотечественников, его собственное мировоззрение остается истинно английским: недаром он бросает взгляд на Запад, недаром его беспокоит продвижение французов вниз по долине Миссисипи.

Имперская политика увлекала и губернатора Нью-Йорка Кедволадера Колдена, автора книги «История пяти индейских племен». Автор развивал идею союза с ирокезами в борьбе против притязаний французов на западные территории. Попутно он пропагандировал выгоды пушной торговли.

Спустя девять лет, в 1736 году, воспитанник Гарвардского университета Томас Принс опубликовал первый том «Хронологии Новой Англии». Появление этого труда ознаменовало важный шаг в изучении прошлого колоний. Ценным качеством работы Принса было скептическое отношение к сведениям предшественников. Это позволяет говорить о нем как о зачинателе критического направления. Впрочем, новаторство Принса должно быть принято с определенными оговорками. Как и авторы средневековых европейских хроник, он выстраивал свое повествование от сотворения Адама и, лишь пройдя долгий «библейский» путь до Колумбова открытия, принимался описывать факты истории Северной Америки. Он помещал в книгу лишь те события, достоверность которых ему казалась несомненной. Получившаяся хронологическая таблица содержала минимум комментариев.

У современников Принс успеха не имел: он не оправдал ожиданий своих подписчиков: «Хронология Новой Англии» показалась им лишь тщательной переработкой известных трудов, последовательностью скрупулезно отобранных и выстроенных выдержек из текстов предшественников. Труд Принса остался незаконченным, но он положил начало внимательному и поступательному обзору происходившего. Его заслугой было также включение американской истории в общую цепь мировых событий.

К середине XVIII столетия усилилось внимание к изучению истории Юга со стороны ученых вирджинского колледжа. Глава колледжа Уильям Стит, священник с европейским образованием, в 1747 году опубликовал «Историю первоначального открытия и заселения Вирджинии». По уровню исследования источников сочинение Стита занимает особое место среди колониальных анналов. Он подал историю Вирджинии с точки зрения английских вигов – либералов, извечных противников королевской власти и политической партии тори, приверженной короне. Стит представил прошлое Вирджинии как осуществление гражданских свобод, как постоянную борьбу за восстановление древних конституционных прав англичан против узурпации со стороны короля и амбициозных губернаторов. Автор вирджинской истории был невысокого мнения о предшествующих исторических сочинениях.

Описанием жизни в колониях занимались также Джон Каллендер из Род-Айленда, Уильям Смит из Нью-Йорка и Сэмюэл Смит из Нью-Джерси.

Экономическое и социальное развитие Северной Америки, приведшее к становлению класса буржуазии, равно как участие в совместных военных действиях против французов и испанцев, вызвало к жизни объединительные тенденции, выразившиеся, в частности, в склонности нового поколения историографов рассматривать развитие колоний в целом, как

единого организма. Показательна в этом контексте книга Уильяма Дугласа – двухтомник «Общий исторический и политический взгляд на Британские колонии в Америке», в котором сделана по существу первая попытка дать общий обзор всех английских владений за океаном. Этот труд выходил отдельными выпусками в течение пяти лет, с 1747 по 1752 год. В намерение Дугласа входило посвятить каждой колонии отдельную главу, снабдив книгу топографическим описанием и завершив ее политическим и коммерческим прогнозом. Но он не сумел осуществить свои замыслы. Несмотря ни на что, попытка дать обобщенную картину нарождающегося союза колоний, как и ряд важных сведений экономического и социального характера, сохраняет за трудом Уильяма Дугласа определенные достоинства.

Первым стимулом исторических описаний Америки было стремление привлечь на новые земли поселенцев и капиталы. Преследовались также информационные цели – рассказ о новом мире и попытка защиты укоренившейся структуры колониальной администрации. Все это диктовало и выбор частных тем, и угол зрения на описываемые события.

В дальнейшем рост стремящейся к власти американской буржуазии потребовал идеологического оправдания ее претензий. Это предопределило наступление нового этапа в американской историографии.

Религиозное ожесточение

Можно сказать, что на некоторое время в Америке установилось равновесие между тремя основными мировоззрениями. Однако благостное восприятие мира оказалось недолговечным. Если победившие в Англии сторонники пуританина Оливера Кромвеля, свергнувшие короля, вступили в период пусть относительной, но все же стабильности, который продлился до смерти Кромвеля в 1658 году, то их американские единоверцы оказались во власти прежде всего внутреннего ожесточения: принципы жизни становились все жестче, и послаблений, казалось, было неоткуда ждать. Вдобавок богобоязненные жители Массачусетса ощущали, что находятся во враждебном окружении.

В условиях фактической полувоенной блокады пуритан поведение почти каждого новопоселенца было на виду, и потому жестокое давление со стороны глав религиозной общины, настаивавших на непременном соблюдении каждым человеком общих для всех правил, не встретило и не могло встретить сопротивления. Постепенно пространство интеллектуальной жизни, личной и культурной свободы сузилось донельзя. Всякий оригинальный подход к решению той или иной мировоззренческой или бытовой проблемы стал восприниматься как злостное отклонение, а веротерпимость обратилась в грех. В Америке не распространилось движение левеллеров (уравнителей), но осадная жизнь и без того делала примерное равенство фактом жизни.

Однако полутюремное существование не могло длиться вечно, и ситуация стала меняться с разделом все более расширяющейся общей земли, превращением крохотных поселков в города, с прибытием носителей новых идей из Европы. Географические границы, расширяясь, способствовали и раскрытию духовных горизонтов. Словно в ответ на это, в ортодоксальной среде еще больше усилилось внутреннее ожесточение. Женщина-священник Анна Хатчинсон подверглась обвинениям в восьмидесяти грехах и была лишена права религиозного руководства.

Еще один пастор, о котором также уже упоминалось, Роджер Уильямс, вынужден был бежать и основал собственную общину (членам ее он, в традициях того времени, обещал спасение) в новом городке Провиденс, в колонии, которая получила название Род-Айленд. Менее сильные и уверенные в своей правоте диссиденты вынуждены были подчиниться.

Начавшиеся во второй половине семнадцатого века религиозные столкновения продолжались в Массачусетсе до 1780 года. В этой лидирующей во многих отношениях колонии

укрепилась тенденция к авторитарному правлению, а идеи религиозной и иной терпимости утрачивали популярность. Однако существовали и исключения. К таковым можно отнести уже упоминавшегося Джона Уинтропа. Политическая карьера Уинтропа началась с избрания его губернатором Массачусетса сроком на один год. Уинтроп покориł многих граждан своим мягким и дружелюбным характером. Его правление пришлось на время, когда страх перед анархией приобрел массовый характер, и, предпочитая толерантного Уинтропа радикально настроенным соперникам, жители Массачусетса избирали его снова и снова. Но и на него падала зловещая тень всеобщей взаимной ненависти. В конце своего жизненного пути старый губернатор с грустью вспоминал о годах страха и жестокости.

В общем и целом изначально популярное убеждение в приверженности «отцов-пилигримов» идеям свободы понемногу стало казаться исторической ошибкой. Лишь два деятеля колониального периода были безусловно последовательны – это Уильям Пени и Роджер Уильямс, Первый сделал Пенсильванию территорией религиозной свободы. В упрек второму можно поставить то, что в качестве первого шага к свободе он требовал безусловного отречения от англиканской церкви.

Моральная атмосфера в североамериканских колониях была напряженной. О культуре обыденной жизни можно судить по дневникам и завещаниям (часто это были своего рода автобиографии) того периода. Мы узнаем из этих документов, например, что на протяжении двадцати двух лет празднование Рождества было отменено. Брачные церемонии далеко не сразу заняли место в частной жизни.

Собрание квакеров

Превосходное свидетельство – завещание некоего Роберта Кейна, документ, на создание которого ушло пять месяцев. Обстоятельно написанный текст прекрасно показывает, как стремительно менялась моральная обстановка в колониях вслед за укреплением позиций переселенцев и в зависимости от происходившего в Англии, от соперничества Лондона с другими европейскими столицами.

Бостонский купец Кейн начал трудовую жизнь помощником мясника. Затем он занялся торговлей и был обвинен колониальным судом в получении слишком больших доходов при продаже конской сбруи, гвоздей и золотых пуговиц. Судебное разбирательство – нехристианское, безжалостное, придерживающееся нечестных стандартов – причинило Кейну невыносимую душевную боль. К делу была привлечена церковь, и она нашла, что обвиняемый позорит имя Господне. Купец отстаивал свою правду как мог, и в результате состав суда не смог прийти к единому мнению. Однако очевидно, что пуританское преклонение перед богатством не сработало на этот раз. Между прочим, если бы Кейна осудили, то деньги его отошли бы Гарвардскому университету.

Предок Карнеги и Рокфеллера обличал свое лживое и нечестное время. Он писал, что ненавидит суеверия пап и прелатов, ложный анабаптистский (анабаптисты – еще одна секта, распространенная в Европе с XVI века) энтузиазм, идею значимости кровного родства, нечестные приемы и незрелые мнения, которыми руководствовались косные священники и судьи. Все это, по его мнению, порождало злостные ошибки, ведущие, в конце концов, к поруганию Божьей чести и правды.

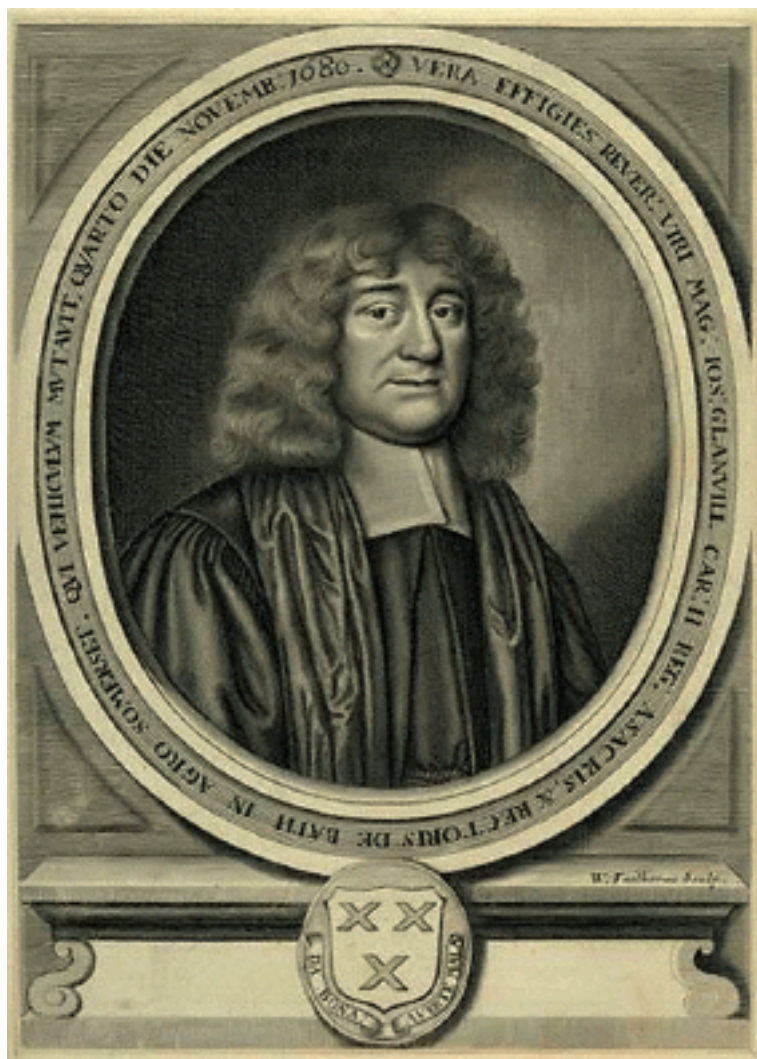
Надо еще раз подчеркнуть, что особое место в жизни североамериканских колоний занимали процессы над «ведьмами». В пуританском Массачусетсе повесили тридцать пять колдуний. Это темная, печальная страница американской истории. Но нельзя считать, что лишь пуритане практиковали столь страшные расправы над обвиненными в колдовстве: подобные процессы имели место везде в Европе, и в католических, и в протестантских странах. Примечательно, что такие казни относятся преимущественно не к «темным» или Средним векам, а к эпохе Проторенессанса – к концу тринадцатого века (не говоря уже о том, что преследование колдуний поминается в Библии).

Разумеется, процессы над ведьмами имели в свое время научное или, скорее, квазинаучное обоснование. Существовали десятки мыслителей, искренне веровавших в силу колдовства и ведовства и стремившихся, помимо всего прочего, изучать данный феномен. К ним относился англичанин Джозеф Гленвил, священник, публицист и философ-идеалист. Основной пафос его произведений – борьба со свободомыслием и атеизмом современников. Одним из несомненных свидетельств присутствия Бога в бытии Гленвил полагал наличие в мире людей со сверхъестественными способностями. Отвергнуть колдовство для него и сходным образом мыслящих теологов – значит отвергнуть Библию.

Разумеется, Гленвил не был одинок. Живший в то же время врач и натуралист сэр Томас Браун, известный своими опытами в биологии, был убежден в том, что наличие колдуний – безусловная часть брэнного мира. Размышления над человеческой природой, анализ пороков того времени побуждали Брауна и его единомышленников объяснять темные тайны бытия злой волей отдельных людей.

Между тем Гленвил был членом Королевского общества в Лондоне и принимал активное участие в его работе, прославился исследованиями добычи свинца и трудами по естественной истории. Он с яростным упорством защищал науку, видя в ней лучший путь в лучшее будущее. В двадцать четыре года он написал эссе «О тщеславии догматиков», в котором природа подавалась как предмет постоянного исследования, как творение Божественного провидения – Божественного архитектора. Героями для него служили Галилей, Гассенди, Харви, Декарт.

И таким передовым мыслителям, как Гленвил, и людям попроще колдовством казалось многое из того, что на самом деле являлось попыткой рационалистического познания мира: хироманты и их «коллеги» – геоманты, гидроманты, аэроманты, некроманты – искали причины человеческих несчастий и выстраивали последовательные системы квазинаучных занятий. Таким странным, порой варварским способом наука как бы начинала разгадывать тайны бытия.

Джозеф Гленвил

Пуританское мировоззрение было неоднородно: в нем уживались терпимость к личным взглядам, концепция демократических прав каждого на участие в государственном управлении, требования социальной справедливости, с одной стороны, и уничтожение «колдунов» и «колдуний» – по сути, просто людей, выглядевших не так, как все, и предававшихся малопонятным занятиям. Словесный призыв к радости жизни совмещался с требованиями аскетизма, постоянного «высшего служения», узким морализмом, преследованием инакомыслящих. Последние черты надолго въелись в историческую память Америки, подпитывая нетерпимость и жесткое коллективное подчинение догмам.

Нравы Новой Англии

В царстве религиозной определенности неизбежно появлялись и привлекали всеобщее внимание своего рода «еретики». Совершенно не обязательно они принадлежали к низам общества, выходили из бедной или даже нищей среды: бывали среди них люди и высокого звания, больших богатств. Примером может служить некий Томас Мортон, обосновавшийся в пригороде Бостона Квинси. Великий американский писатель Н. Готорн запечатлел образ этого выдающегося американца в двух новеллах – «Мерри-Маунт» и «Надежда Мортон».

Мортон обидел Массачусетс своим веселым нравом (многие, правда, говорили о его «диком» нраве). Например, он праздновал языческое Первое мая (так называемые «майские иды»), избирал «майскую королеву». С другой стороны, продавал стрелковое оружие индейцам. Его трижды арестовывали, высылали в Англию, а он упорно возвращался в свою Америку. А находясь в метрополии, публиковал критические выступления, содержавшие оценку деятельности американских соотечественников, суровой религиозности пуритан, жестокости господствующей идеологии религиозных пуритов, строгости их обычаев. Хотя сам даже предсвадебный обмен кольцами считал уступкой католикам, «тайным папизмом».

Умеренный достаток, который сумели обеспечить себе бедные переселенцы после того, как им удалось пересечь Атлантику, составил материальное основание культурного прогресса, естественным образом последовавшего за первым периодом выживания, закрепления, строительства основ. Начальный период запомнился в истории эксцессами самоуверенных пуритан, но напомним, что последняя колдунья в Салеме взшла на эшафот на двадцать лет раньше, чем прекратили карать за колдовство в Англии, за шестьдесят лет до приостановки машины Инквизиции в Испании, за столетие до последней публичной экзекуции в Германии. Наступал век разума, один из светлых периодов человеческой истории. Его идеалы во всей полноте реализовались в североамериканских колониях.

Иллюстрация к рассказу Натаниэля Готорна «Мерри-Маунт»

Поселенцы сделали свою жизнь безопасной, обрели средства к существованию и досуг, сделали атлантическое побережье удобным для существования по европейским правилам. И человеческий разум сразу же ответил, отдав предпочтение естественным наукам перед теологией, освободив полет не отягощенного ежедневными страданиями разума. Идеи Френсиса Бэкона о возможности для человека посредством наблюдения и эксперимента овладеть тайнами природы получили в Америке XVIII века широкое распространение. Ряд ученых североамериканских колоний был принят в Королевское ученое общество. Отметим вирджинских врачей и ботаников Дж. Клейтона и Дж. Митчела, состоявших в переписке с Карлом Линнеем. Иностранцами корреспондентами Американской академии были Линней, Бюффон, Кондорсе, Рейналь, Лавуазье.

Академия созывала конференции, обсуждала доклады, помогала созданию музеев. В 1739 году в Филадельфии были заложены ботанические сады. Символом этого периода развития американской культуры навсегда стал Бенджамин Франклин, находившийся на рав-

ной интеллектуальной и культурной высоте со всеми наиболее примечательными учеными своего времени. Переписываясь (наличествуют письма на трех языках) с наиболее просвещенными умами Европы, Франклин делал чрезвычайно благодатное дело – он ставил молодую Америку вровень с передовой западной культурой и наукой. Основанная им типография немедленно знакомила американцев с плодами европейской мысли. Идеи самого Франклина легли в основание американских университетов, которые встали вровень с лучшими учебными заведениями за океаном.

Оригинальной чертой развития культуры североамериканских колоний было довольно быстрое развитие исторической науки. Написанная Бредфордом история «отцов-пилигримов», как уже говорилось, отвечала научным требованиям своего времени. Самой высокой оценки до сих пор заслуживает уже упомянутая история Вирджинии, созданная У. Ститом (1747). В то время, когда Т. Принс в Массачусетсе постарался по-особому взглянуть на историю Новой Англии, с ним достойно соревновался Т. Хатчинсон. Можно с достаточным основанием утверждать, что в этой области американские ученые середины XVIII века стояли «с веком наравне» и не отставали от британцев, идеалом которых были Дэвид Юм и Уильям Робертсон.

Через столетие после заселения Америка стала приобретать эстетически выдержанный вид. Здесь не было такой массы нищего городского пролетариата, которую можно было легко встретить в Лондоне или в Париже. Владение собственным домом стало для второго поколения свободных американцев распространенным правилом. Стремление украсить свои поместья и особняки способствовало расцвету архитектуры. Нью-Йорк, бывший Новый Амстердам, выделялся аккуратными кирпичными домами голландских поселенцев, окаймленными камнем каналами и ухоженными садами. На Юге крупные землевладельцы взывали к гению великого архитектора позднего Возрождения Андреа Палладио, возводившего здания с обширными и пропорционально выдержанными колоннадами. Классицизм оказался любимым стилем американской «хлопковой аристократии». Бостон рос, подобно любому крупному промышленному городу Западной Европы. Стильные предметы роскоши производились в XVII–XVIII веках в Новой Англии и в срединных колониях, однако все же не на Юге: здешние богатые землевладельцы предпочитали покупать предметы искусства и ремесел в заокеанских магазинах, Американская живопись колониального периода прямо следовала за английскими образцами, чем объясняется господство портретного жанра и изобразительный язык. Богатые купцы прибрежных городов, оживая под кистью первых профессиональных художников, как бы смотрели в вечность, Это увековечение персон господ заказчиков продолжалось еще долгое время. Четверо художников получили общеамериканскую известность: Уэст, Копли, Пиль и Стюарт. Правда, их лучшие годы прошли в Лондоне, где на живопись спрос был гораздо больше.

Джон Сжглтон Копли. Портрет миссис Даниэль Дениссон Роджерс. 1784

Основой культурной традиции в колониальной Америке были школы и университеты. Нет сомнения, что в данном случае американцы шли по стопам англичан. Примерно две сотни выпускников Кембриджа и Оксфорда прибыли на постоянное место жительства в Америку, где их ждала достойная работа в учебных заведениях.

Подлинным очагом распространения культуры в колониальной Америке оказалась книжная торговля. В течение изумительно короткого времени читающая публика получала издания Монтескье, Вольтера и Руссо, а также, разумеется, английских классиков-современников, таких как Мильтон и Свифт. Публиковалась и античная классика во главе с Сенекой и Овидием. К середине восемнадцатого века Нью-Йорк, Бостон, Филадельфия, Чарльстон и Ньюпорт уже имели собственные публичные библиотеки. Большинство американцев умели читать и писать. Первая газета «Общественные происшествия» родилась в 1690 году, а наиболее заметный успех имела солидная четырехполосная бостонская «Ньюслеттер», основанная в 1704 году.

К началу революционной эпохи каждая из колоний имела одно или несколько периодических изданий. Первый судебный процесс, посвященный вопросам свободы печатного слова, состоялся в Нью-Йорке в 1734 году. Речь шла об оскорблении газетой «Джорнэл» губернатора провинции. И, что характерно, власть проиграла на этом процессе. Это был знак, что новые идеи возобладали в культурной эволюции североамериканских провинций.

Век Просвещения в Америке не ознаменовался такими эпохальными достижениями, как выпуск Энциклопедии во Франции. Но эта эпоха вывела «окраину мира» на уровень жизни и мышления, господствовавший в самых развитых странах Европы. Только это позволило американским колониям начать войну за независимость.

Восемнадцатый век

К XVIII веку грамотность и даже ученость стали отличительной чертой жителей английских колоний, расположившихся вдоль Атлантического океана. На севере пуритане шли в церковь с записной книжкой в руках. Магистрат Массачусетса должен был законодательно уменьшить число лекций, чтобы не отвлекать население от житейских дел. Разумеется, идеологические споры порождали и крайности, время от времени способствуя формированию фанатизма, подобного преследованию салемских «ведьм».

В начале века население североамериканских колоний достигло 162 тысяч, но это еще не была единая общность. Каждая из тринадцати колоний имела собственное этническое лицо. В каждой существовали своя Ассамблея (знак английской политической традиции) и губернатор, назначаемый в Британии и обязанный наблюдать за исполнением местной хартии. Почти повсеместно было уже ощутимо недовольство основной массы поселенцев могущественными лендлордами, владельцами бескрайних земельных участков. Это отношение сказалось в восстании против аристократов в Вирджинии, возглавленном Бэконом.

Король Карл Второй отчужденно смотрел на колонии – у него было достаточно проблем в Англии, прежде всего постоянная вражда с парламентом. Но король Яков (Джеймс) Второй постарался сделать тринадцать колоний «единым целым». Важно было и то, что влиятельный премьер-министр Роберт Уолпол (второе и третье десятилетие восемнадцатого века) *не придавал колониальной политике большого значения*: его больше интересовало внутриевропейское соотношение сил.

Поступательному культурному развитию Америки препятствовали постоянные конфликты на границах. Индейцы, которых сгоняли с их собственных земель, проявляли естественную враждебность. За место под солнцем на американском континенте боролись французы, новоприобретенные владения стремились отстоять испанцы.

В этот период центром идеологии толерантности во всех сферах, в частности, и в культуре стала самая влиятельная северная колония – Массачусетс. Уже с последнего десятилетия семнадцатого века здесь воцарилась терпимость ко всем, кроме католиков. Последние, однако, тоже не испытывали особых ограничений в Пенсильвании и в Род-Айленде. Однако повсеместно африканские рабы по-прежнему считались неоспоримой частной собственностью и подчинялись особым законам. Чуть выше по социальной лестнице стояли мужчины и женщины, которые были обязаны отработать долг за переезд в Америку. В этой категории были и так называемые «контрактные жены» (о последней категории говорил в 1705 году Роберт Беверли, называя цену «покупки» такой жены – 100 фунтов стерлингов).

Культурное смешение уже было ощутимо: в страну продолжали въезжать не только англичане, но жители Уэльса, голландцы, французы, немцы. Началась волна шотландско-ирландской иммиграции. Едва ли не впервые в исторических источниках слышатся жалобы на то, что в Джорджию въезжают пришельцы, не соответствующие уже установившемуся здесь культурному уровню, стоящие несколькими ступенями ниже. В Америке начинает явственно проявляться французское влияние – особенно в таких городах, как Детройт (от фр. *détroit* – пролив), Мобил, Новый Орлеан. Испанская культура сказывалась в организации жизни в Сан-Антонио, с активной католической миссией в Аламо.

Доминирующим социальным типом по-прежнему оставался «человек границы», выживавший в отчаянной борьбе с дикой природой и «дикой страной» во всех проявлениях: от столкновений с индейцами до отражения нападений диких животных. То было время, когда техника еще не пришла на помощь первопоселенцу. Столетием позже Ральф Уолдо Эмерсон воспоет этот период и порожденный им идеал человека, полагающегося на себя, удовлетворяющегося самым необходимым: так рождался своеобразный американский этос.

Американская культура: история и наука

Именно на этом этапе начинает возникать феномен, впоследствии ставший собственно американской культурой. В самом конце семнадцатого века Бенджамин Томсон восславлял жизнь простых американцев в эпической поэме «Кризис Новой Англии», а пуританская поэтесса Анна Бредстрит, восхвалявшая людей с «американской душой», успешно подражала сочинениям француза-гугенота Дю Бартаса, особенно его поэме «Неделя творения». Бредстрит положила начало традиции имитации английских и французских произведений на американской почве, продемонстрировала готовность зарождавшейся литературы ориентироваться на лучшие европейские образцы. Эта традиция дожила до XIX века. Отдельные события и размышления с этого времени становятся основой интеллектуальной рефлексии, а значит – самоосмысления нации в духе поиска идентичности.

В XVIII веке в Америке формируется собственная историческая школа: история осознается и как наука, и как основное проявление национального самосознания. Ведущим историком крупнейшей колонии Вирджинии становится Роберт Бирд, которому в равной степени было присуще как литературное мастерство, так и способность к анализу. Как уже упоминалось, Роберт Беверли сделал исторический обзор Вирджинии, а в Новой Англии на том же поприще выступил судья Сэмюэл Сьюолл со своим «Дневником».

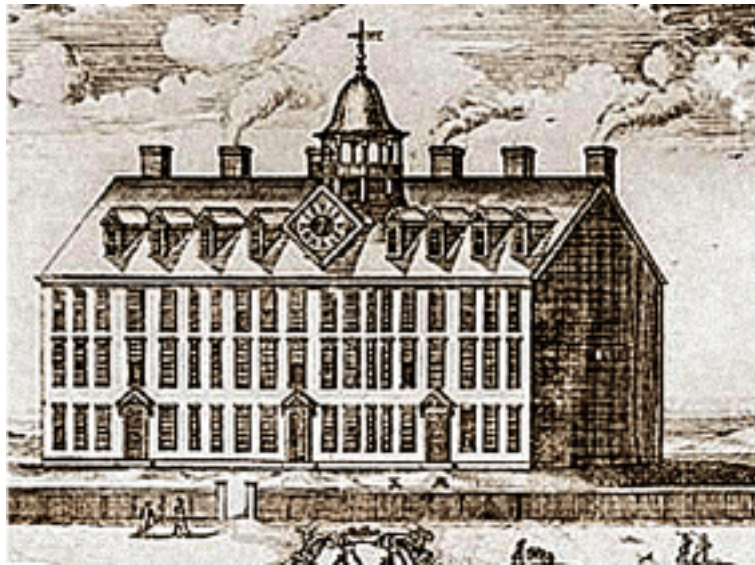
К этому же периоду относится начало оригинального американского изобразительного искусства. Оказалось, что отсутствие профессиональных школ, училищ, академий имеет и свою положительную сторону не имея объектов для подражания, американские художники нашли свой неповторимый, исходящий из собственного мировоззрения путь. Предметом изображения чаще всего становилась та или иная персона – в живописи расцветает портретный жанр, произведения которого стали собираться почти как драгоценности.

Музыка на этом этапе чаще всего была церковной, распространеннейшим жанром являлись хоралы, а заказчиками – церковные хоры. В музыкальном исполнении звучало много зарубежных произведений, но постепенно обозначилась и собственно американская манера, Все более зрелыми и постепенно все менее похожими на английские становились народные песни.

Вот что особенно важно: в XVIII столетии открывается эпоха собственно американского образования. Надо сразу сказать, что школы возникли в Америке довольно рано. Их открытие было ответом на обострившуюся общественную потребность в грамотных людях, которые могли бы освоить девственный континент. Укажем, что не позже, чем через полтора десятилетия после высадки первых поселенцев в Массачусетсе, за рекой Чарльз, открыт Гарвардский колледж, довольно быстро ставший университетом. В первый год в нем учились только шестеро студентов. Еще раз подчеркнем, что он стал первым американским колледжем, основанным в 1636 году согласно голосованию генерального суда колонии.

На дальнейшем культурном развитии отразилось европейское Просвещение. Университетский бум в Европе приходится на конец XVII века – и это сразу же сказалось на американской жизни, на американских контрпартнерах европейских научных центров. Особо следует отметить открытие уже упоминавшегося колледжа Уильяма и Мэри (1696). Он был основан в Вирджинии под патронажем и контролем англиканской цркви. Чуть позже пуритане Севера организовали Йельский колледж, выросший из первоначальной школы в Сейбруке, переведенной через семнадцать лет в Нью-Хейвен. Этот колледж был создан благодаря финансовому дару Элиу Йеля, долгое время служившего в Восточно-индийской компании в Мадрасе. Все эти учебные заведения со временем обретали статус университетов.

В восемнадцатом веке к первым американским университетам добавились еще пять: Принстон, Колумбия, Браун, Ратжерс и Дартмут.

Йельский колледж

Следует отметить, что с самого начала высшие учебные заведения Америки открыли свои двери сторонникам различных религиозных взглядов, не замыкаясь в рамках одного направления.

Разумеется, программа американских колледжей «списывалась», в основном, с Оксфорда и Кембриджа, или «Оксбриджа», а это в XVIII столетии означало господство латинского языка как международного научного. Данная особенность не могла продержаться долго в Америке с ее конкретно-практическими нуждами и отсутствием необходимости в умножении абстрактных знаний. В те времена абитуриента американского университета волновали практические задачи развития его фактории, земельного угодья или торговой компании, а не интеллектуальный обмен с заокеанскими коллегами. Лишь обеспеченные единицы могли обратиться к занятиям столь экзотичным, как, скажем, история или политические науки.

Первая кафедра истории была создана в Йеле. Сама историческая наука нашла достойного адепта в лице преподавателя Гарварда Дж. Спаркса, взявшегося поднять уровень историографии в Америке. Но и с практическими науками были сложности. Очень медленно механика, физика, химия, сельское хозяйство стали внедряться в качестве дисциплин в американские университеты. Однако постепенно сложилась ситуация, при которой население имело не меньше, а больше возможностей для образования, чем в метрополии – что отметил, в частности, великий английский историк Гиббон. Это многое объясняет в формировании поколения, следующего после «отцов-основателей» республики. Вышеназванные колледжи приглашали студентов в возрасте тринадцати-четырнадцати лет, поначалу планируя выпускать преимущественно священников, идущих по стопам своих преподавателей. По окончании колледжа выпускникам еще не выдавали дипломов или каких-либо других удостоверений об окончании университета – эта церемония становилась практически возможной только через несколько лет.

Тринадцать: отдельно или вместе?

Об объединении колоний думали немногие. Адептом этой идеи на английском троне являлся король Яков (Джеймс) Второй, а в колониях – основатель Пенсильвании Уильям

Пени. Но практиком, а не мечтателем-теоретиком оказался житель Филадельфии Бенджамин Франклин.

Надо сказать, что личность Франклина оказалась ключевой в культуре Америки. Именно с ним связано возникновение понятия американской науки. Член английского Королевского общества, он принес славу Америке, провозгласив в 1743 году наступление момента, когда в ученом мире должна быть создана еще одна академия – Американская. Идея была реализована в следующем году. Организация под именем «Американское философское общество» вошла в историю. Его целью декларировалось содействие всем философским экспериментам, которые проливали свет на природу вещей, были направлены на обретение человеком власти над материей и увеличение удобств и удовольствий жизни.

Франклин провел серию почти самоубийственных опытов, стремясь понять природу молнии, а также множество других экспериментов. Он стал первым подлинно равным светочам Европы корифеем американской науки и культуры, воплощением «века Просвещения» на дальнем берегу Атлантики. Его вклад в физику, океанографию и метеорологию ценен до сих пор. В сфере электричества введенные им термины «заряжать», «позитивный», «негативный», «батарея» находятся в употреблении до сих пор. Франклин был первым, кто изучил Гольфстрим, указал на природу штормов, заложил основы гидродинамики, построил множество кораблей и мостов. Разум в применении науки, эмансипация от королей и священников как цель человеческой жизни – вот что составило основу его материалистического, рационалистического мировоззрения. В американской культуре он сделал важнейший шаг к секуляризму – отделению теологии от науки.

В 1754 году по инициативе Франклина был созван конгресс представителей колоний в Олбани. На этом конгрессе ученый предложил свой «план Союза» – собственно, план объединения колоний, поддержанный делегатами будущих штатов. В 1757–1762 годах Франклин представлял в Англии Пенсильванскую ассамблею, защищал интересы Джорджии в 1768, Нью-Джерси – в 1767 и Массачусетса – в 1770 годах. Таким образом, в Англии он стал представителем интересов всех североамериканских колоний.

Контрольные вопросы

- 1. В чем сущность пуританства как основы американской культурной традиции?*
- 2. Каковы основные формы адаптации к колониальным условиям жизни до завоевания независимости?*
- 3. Опишите условия рождения американского этоса.*
- 4. В чем состоит роль Бенджамина Франклина в становлении американской нации и политической культуры?*

Глава третья Революционная волна

Стремление к независимости

Революционная война за независимость американских колоний всколыхнула все слои общества. В результате победа революции утвердила буржуазный строй; на американском континенте образовалось новое суверенное государство. Тема войны за независимость стала центральной и преобладающей в литературе, науке, публицистике.

Возникли две противоположные друг другу исторические парадигмы. Многие историки стали проявлять меньше интереса к колониальному прошлому и сконцентрировались на изначальных тенденциях к самостоятельности, подчеркивая борьбу колоний против гнета английских властей. Их идейные противники описывали время колониального подчинения в розовом свете, смягчали насильственный характер деспотической власти метрополии.

В те времена в памяти жителей новой страны были еще свежи причины, по которым они были вынуждены покинуть родину. Так, в Шотландии многие крестьяне лишились своих наделов из-за «очистки земель» в конце XVIII – начале XIX вв. Некоторые из них отправлялись в поисках счастья за океан.

В целом наблюдался рост буржуазного национализма. Он сказался в подчеркивании национальных отличий и, прежде всего, особенностей американской истории, то есть, по сути, являлся следующим шагом к обретению Америкой собственной идентичности.

Идеи Просвещения

Основному тексту Декларации независимости предшествует волнующая преамбула, в которой говорится о том, что все люди рождены равными. Вместе с тем зададимся вопросом: можно ли твердо указывать на то, что причиной провозглашения независимости были именно идеи Просвещения?

Исследователь Жак Барзун, анализируя Декларацию и исторические предпосылки ее возникновения, пишет, что формально идея того, что крупная современная нация, сформировавшаяся в результате взаимодействия нескольких поколений переселенцев и их потомков, имеет право управлять собой, руководствуясь просветительскими принципами, не реализуемыми в «старом» мире, действительно соотносится с идеологией Просвещения. Безусловно, подобный посыл есть порождение своего времени, и такая интерпретация выглядела политическим идеалом для просвещенных европейцев. Истина, однако, выглядела несколько иначе, Американское население в 2,2 миллиона человек являлось еще очень «непросвещенным», людям была свойственна грубость во взаимоотношениях друг с другом и в целом – в образе жизни, а темперамент основной массы колонистов не соответствовал теориям философов. Американцы сражались с индейцами, обманывали и истребляли их, отбирали их земли, На территории колоний трудились 200 000 африканских рабов... С точки зрения самих колонистов, главным мотивом борьбы за независимость был экономический – борьба против лондонской монополии на североамериканскую торговлю.

Жесткая политика метрополии не могла в конце концов не спровоцировать естественную реакцию – и бурные социальные волнения охватили Северную Америку. Усилившийся нажим из Лондона затронул интересы широких слоев населения. Запрет на переселение за Аллеганские горы ставил вне закона и бедняков, искавших счастья на западе материка, и земельных спекулянтов, посягавших на территории, объявленные королевской собственностью. Оказались обманутыми американские ветераны Семилетней войны: еще вчера им обещали богатые земли Огайо, а сегодня одним росчерком пера отняли эту надежду. Новые навигационные и другие законы, и особенно Акт о сахаре, больно ударили по прибыльной для американских купцов торговле с Вест-Индией. Удвоенные пошлины на ввоз промышленных изделий из Англии привели к небывалой дороговизне.

Колонисты оказали открытое сопротивление жесткой политике Великобритании. Ничто не могло удержать тех, кто стремился на нетронутые земли американского Запада. Торговля с Вест-Индией продолжалась тайно. Английские товары подвергались массовому бойкоту. Метрополия, желая пресечь нарушение имперских законов, в 1764 году решила расквартировать в Северной Америке 10 тысяч солдат, с тем чтобы треть расходов на их содержание оплачивали сами колонии. Это означало новое увеличение налогов. Побои еще больше возросли с принятием в 1765 году так называемого Закона о гербовом сборе, согласно которому для любых деловых операций, в том числе всех коммерческих сделок, нужно было покупать разрешительные государственные марки.

В знак протеста против подрывавшего американскую экономику ввоза чая из Великобритании переодетые индейцами члены организации «Сыны свободы» захватили в Бостонском порту три британских корабля и сбросили в море 342 сундука с чаем. Толпа на Бостонской пристани радостно приветствовала земляков.

Колонии ответили взрывом возмущения. Важным событием, вызвавшим общую реакцию американцев, явилась резолюция законодательной палаты Вирджинии от 30 мая 1765 года, *объявившая гербовый сбор незаконным*. Законодательная палата Массачусетса последовала примеру вирджинцев и, кроме того, предложила созвать межколонияльный конгресс для обсуждения создавшейся ситуации. Откликнулись восемь колоний. Конгресс, собравшийся в октябре того же года, выявил две точки зрения: одна половина колонистов предлагала ограничиться протестом против налогообложения на том основании, что колонии не имели своих представителей в английском парламенте, другая требовала вообще не признавать его власти. Верх одержали умеренные, и их позицию отразила принятая Конгрессом декларация.

Чтобы утихомирить взбудораженную Америку, английское правительство предприняло тонкий политический маневр – гербовый сбор был отменен. Но смысл этой уступки довольно скоро стал ясен: взамен колониям был дан законодательный акт, подтверждавший верховные права короны, а еще год спустя (1763) вступили в силу так называемые акты Тауншенда (лондонского министра финансов), с лихвой компенсировавшие английские потери от отмены гербового сбора. Эти акты устанавливали высокие пошлины на ввозимые в американские порты краски, бумагу, стекло, свинец, чай, что опять-таки фактически являлось еще одним новым налогом.

И тогда движение протеста вспыхнуло с новой силой. Все колонии поддержали призыв вновь объявить бойкот английским товарам, прозвучавший на городском митинге в Бостоне 28 октября 1767 года. Два месяца спустя законодательная палата Массачусетса заявила, что отвергает право английского парламента вводить пошлины. Было решено, что впредь не должно проводиться никакого налогообложения без участия палаты общин. Девизом реформаторов стали слова: «No taxation without representation»¹. Палата также обратилась к законо-

¹ Никаких налогообложений без представительства (*англ.*) (т. е. представительства американских штатов в английском парламенте).

дательным органам других колоний с предложением объединить усилия для борьбы против непомерных поборов. На призыв Массачусетса тотчас же откликнулась Вирджиния. Таким образом, движение против актов Тауншенда возглавили две крупнейшие колонии Северной Америки, и оно приняло весьма широкий характер.

Имперское правительство метало громы и молнии. Призывы к бойкоту английских товаров были объявлены «подрывными действиями».

Королевские губернаторы получили приказ распустить те колониальные выборные органы, которые проявят неповиновение, а все бунтарские элементы подвергнуть репрессиям. Первой была распущена законодательная палата Массачусетса. Та же участь ожидала всех, кто рискнул бы выразить солидарность с ней.

Зависимость от законов метрополии становилась все более тягостной для южных плантаторов. Лишенные права на поиски наиболее выгодных рынков сбыта своей основной продукции – табака, они были вынуждены продавать его английским купцам. При этом плантаторы в целях повышения своих доходов расширяли посевы и усиливали эксплуатацию рабов. Но все их усилия оказывались безрезультатными, ибо цены на табак, устанавливаемые в Лондоне, падали быстрее, чем росло его производство. Промышленные изделия, завозимые из Англии, год от года дорожали. Такой характер обмена привел к образованию и непрерывному росту задолженности американских плантаторов английским купцам. Она достигла колоссальной по тому времени суммы – свыше 4 млн. фунтов стерлингов.

Большинство депутатов вирджинской Ассамблеи бесстрашно проголосовали 16 мая за четыре резолюции, прозвучавшие дерзким вызовом королевским прерогативам. Документ гласил, что население Вирджинии может облагаться налогами лишь по постановлению своего выборного органа самоуправления и подлежит юрисдикции местных судов, а также имеет право на совместные с другими колониями действия в защиту своих законных интересов. Одновременно была составлена и принята соответствующая петиция королю Георгу III. Губернатор Беркли распустил палату, но она *не подчинилась приказу*. Члены палаты отправились в таверну «Рейли», продолжая заседание. Было принято обращение с призывом бойкотировать товары, обложенные королевскими налогами.

В результате ввоз товаров из Англии начал катастрофически уменьшаться, что ударило по прибылям британских купцов. Под их нажимом корона была вынуждена отступить. Пришедшее к власти новое английское правительство, возглавляемое лордом Нортон, решило не доводить дело до крайности, а добиваться своей цели постепенно, более осторожными мерами. В течение трех последующих лет метрополия, не желая рисковать, не предпринимала репрессий. Однако подобная политика удовлетворяла далеко не всех – прежде всего в Америке. Вперед вышли те, кто считал объектом борьбы отнюдь не только налогообложение и таможенные сборы, а изменение характера отношений между Англией и Америкой в целом.

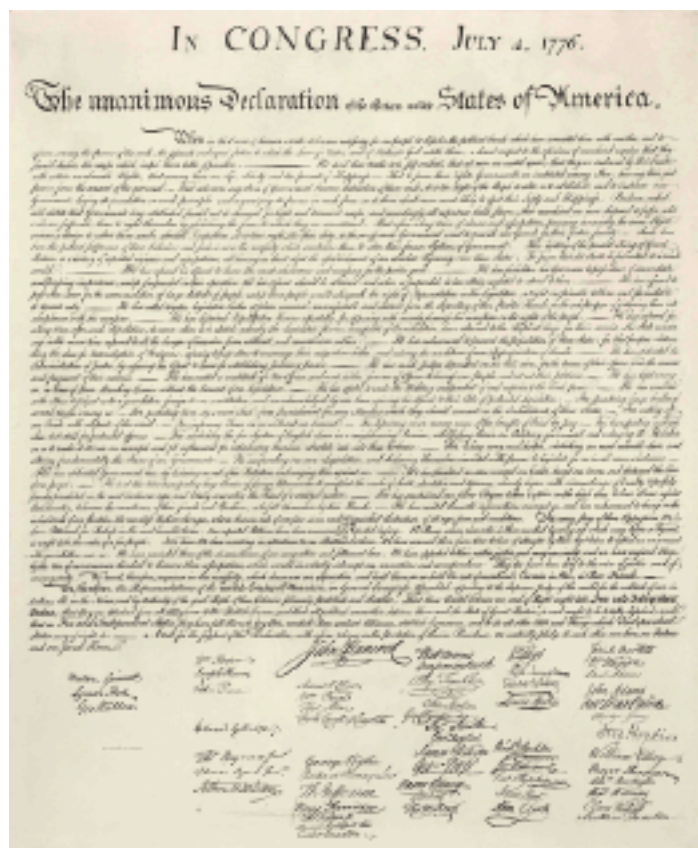
Выступления граждан в поддержку лозунга «No taxation without representation».

Начало революции

Расквартирование английских войск в Бостоне привело 3 марта 1770 года к кровавой стычке. Солдаты открыли стрельбу по возбужденной толпе. Горожане ответили призывом к оружию. В Бостоне и окрестных населенных пунктах начались волнения. Эти события знаменовали собой начало массового активного сопротивления колонистов, назревание вооруженного конфликта.

Попытки властей метрополии пресечь сопротивление Лондону встретили серьезный отпор. В июне 1772 года английский корабль «Гэспи», специализировавшийся на ловле контрабандистов, подвергся нападению в порту и был сожжен. В Лондоне в том же году было принято постановление, согласно которому жалованье губернаторам, чиновникам и судьям в колониях должна была выплачивать королевская казна: таким образом британские власти намеревались укрепить свой авторитет в глазах представителей местной власти. Подобная мера, преподнесенная в качестве облегчающей для американских налогоплательщиков, на самом деле ничего не меняла в их положении, так как расходы на содержание администрации по-прежнему покрывались за счет поборов.

Американские купцы, промышленники и плантаторы на попытку метрополии упрочить свою власть в Северной Америке ответили созданием собственных независимых органов управления в лице комитетов связи. Первый из них был учрежден в Бостоне, а вскоре они появились почти во всех городах Массачусетса. Примеру крупнейшей колонии Севера последовала самая большая колония Юга – Вирджиния. В марте 1773 года здесь был создан такой же комитет. Вирджинская законодательная палата направила другим колониям предложение установить постоянную связь и объединиться для совместных действий. К удивлению скептиков, этот призыв встретил широкую поддержку. В течение нескольких месяцев во всех колониях, за исключением Пенсильвании, возникли комитеты связи. Так появилась политическая организация, которая объединяла революционные силы Северной Америки и способствовала усилению ее тяги к независимости.

Декларация независимости

Декларация независимости

Не более сотни слов потребовалось тридцатитрехлетнему адвокату Томасу Джефферсону чтобы выполнить поручение вирджинской Ассамблеи и вложить в Декларацию независимости самые передовые идеи европейской и американской общественной мысли своего времени. И вот уже развенчано навязанное религией представление о человеческом существовании как непрерывном страдании, вознаграждаемом в загробной жизни. Нет, люди не подвластны некоему предопределению, обрекающему их на покорность и смирение. Они в силах изменить к лучшему жизнь на земле и должны делать это сообща, ибо являются от рождения равными, и никому не дано посягать на принадлежащие каждому из них неотъемлемые права на жизнь, свободу и стремление к счастью.

Провозглашение этих принципов означало отказ от феодально-абсолютистской идейной традиции. Сделав этот единственный шаг, политическая культура Америки выросла неизмеримо. Стремление к независимости представляло собой революционную трактовку и реализацию идей Просвещения и, прежде всего, учения о царстве разума, основанном на естественном равенстве людей, на свободе частной жизни личности. Джефферсон при этом решительно исключил из перечня оснований гражданских прав обладание собственностью, заменив его стремлением к счастью. Эта коррекция в огромной степени определила прогрессивное значение Декларации, ибо законодательно наделила равными правами всех людей, независимо от их имущественного положения.

Развивая идею равноправия, Декларация провозгласила *народ единственным вершителем своей судьбы*. Только согласие граждан на то, чтобы ими управляли, является основой власти правительства, и граждане вправе изменить или уничтожить форму правления, если сочтут, что она противоречит их стремлению к безопасности и счастью. Социально-фило-

софская часть Декларации носила общий, теоретический характер, что предопределило возможность различных толкований практического приложения изложенных в ней принципов. Это подтверждают предпринимаемые вот уже на протяжении двух столетий попытки США придать Декларации «умеренный» смысл.

Спустя почти столетие после принятия Декларации президент США А. Линкольн говорил, что Джефферсон, в сложившейся напряженной обстановке борьбы за национальную независимость своего народа проявивший хладнокровие, способность к предвидению и мудрость, введя в обычный революционный документ абстрактную истину, действенную во все времена и для всех народов, достоин великой чести.

Сила воли, которая, в конечном счете, помогла американцам выиграть Войну за независимость, была наилучшим образом описана англичанином Берком. Эдмунд Берк старался убедить английскую палату общин примириться с бунтующими колониями. Дальновидный политик пытался объяснить, что колонисты – вовсе не повстанцы, что они просто выражают свой протест по поводу лишь одного пункта – права налагать налоги, на котором, как они думают, базируются все их свободы. Однако увещевания не возымели действия: английская аристократия и купцы хотели денег, и мысль об уменьшении доходов казалась им нестерпимой.

По существу, Война за независимость (1775–1783) распалась на три периода, или три кампании, каждая из которых имела свою завязку, кульминацию и развязку. Это, во-первых, операции 1776 года, достигшие высшей степени напряженности в битве при Трентоне; во-вторых, сдача армии Бургойна при Саратоге в 1777 году; в-третьих, кампания 1781 года, завершившаяся победой американской стороны при Йорктауне.

Э. Лейтц. Вашингтон форсирует Делавэр. 1851

Одним из первых решений Конгресса было создание регулярной армии под предводительством Дж. Вашингтона. Войско было вполне боеспособным, с успехом противостояло регулярной британской армии уже в первых сражениях.

15 мая 1776 года Континентальный конгресс – временный орган управления колоний – постановил образовать новое государство – независимые от метрополии республики, или штаты. Война закончилась парижскими мирными переговорами, в результате которых Англия признала независимость Конфедерации штатов и государственные границы буду-

щего США Под мирным договором поставили свои подписи представители главных воюющих держав – Англии, Франции и Испании. Статья первая признавала независимость тринадцати Соединенных Штатов.

Показательно, что интернациональный контингент европейских защитников американского дела возглавляли француз, немец и поляк, Молодой маркиз де Лафайет, командовавший французскими добровольцами, показал себя решительным борцом за дорогие его сердцу республиканские принципы. Фредерик фон Штойбен, капитан в Германии, стал генералом в Америке и олицетворял собой методичность, дисциплину, спокойную рассудительность и мужество. Национальный герой польского народа Тадеуш Костюшко отдал американской революции все свои знания артиллерийского офицера.

Культурное значение Американской революции

В борьбе за национальную независимость Америка противостояла Британии с ее неприглядно и вопиюще несправедливыми королевскими законами, согласно которым поспешно обвиненных пороли и вешали, а вся процедура судопроизводства все больше и больше напоминала самодурство и произвол. Несоразмерность преступления и наказания даже в самой Англии, не говоря уже о колониях, вдохнувших воздуха свободы, приобретала облик бессмысленной жестокости.

В «Общем взгляде на Британскую Америку» Томас Джефферсон остановился именно на этих вопросах, даже не касаясь проблемы королевской власти: он считал, что характеристика формы правления в складывающихся условиях – вопрос вторичный, главное – борьба за независимость Северной Америки. Целью американцев, говорилось в трактате Джефферсона, является их благополучие, а поскольку они достигают его собственным тяжким трудом, то и вправе сами определять свой политический статус.

Другой пламенный патриот, трибун и идеолог борьбы за свободу – Патрик Генри – также обращал внимание на изначально мирные намерения американцев, которые предпочитают наращивать свое материальное благосостояние, а не воевать. Но увы, пишет Генри жители колоний сделали все, что могли, чтобы предотвратить надвигающийся шторм. Действительно – они обращались с петициями, увещевали, молили, буквально распростерлись перед тронном... И – никаких результатов, Петиции отклонены, увещевания отвергнуты, мольбы спровоцировали новое насилие и оскорбления. У жителей колоний нет больше никаких оснований для надежды. Если они желают быть свободными, если хотят сохранить в неприкосновенности те бесценные привилегии, за которые так долго боролись, – они должны сражаться! Призыв к оружию, Богу и небесным силам – вот и все, что осталось, считает Генри. Можно сколько угодно жаждать мира, но что делать, если его нет? Следует отдавать себе отчет, что война фактически уже началась. И эта война – за свободу, Пусть она стоит дорого, но жить в цепях, в рабстве, в зависимости – значительно хуже. Свобода или смерть! – таков был девиз Патрика Генри, подхваченный многими тысячами его последователей.

Свои требования заокеанские мятежники изложили в 28 пунктах воззвания к английскому правительству. Собственно говоря, все претензии были широко известны в Англии. Да и, как отмечал Жак Барзун, речь в Декларации независимости шла о протесте против злоупотреблений власти, а не о пересмотре ее как таковой. То же самое можно сказать о бесчисленных памфлетах, пламенных речах, коллективных письмах, отчаянных резолюциях, постановлениях легислатур (местных форм парламентской власти).

Патрик Генри выступает перед Ассамблеей Вирджинии.

Забегая вперед, подчеркнем: пуповина, связывавшая Америку с Англией, не порвалась после обретения независимости. Наоборот: в основу американской внешней политики изначально, с момента провозглашения независимости Соединенных Штатов 4 июля 1776 года, были положены такие «англосаксонские» по своему первоначальному происхождению принципы, как соблюдение прав человека, демократизация, либеральные экономические реформы. Это – результат осмысления «отцами-основателями» философских постулатов века Просвещения. Философы и теоретики, как, например, англичанин Джон Локк, высказывали максимы, которые были развиты и конкретизированы американскими пропагандистами и последователями просветительской идеологии – Томасом Джефферсоном, Джеймсом Мэдисоном и их единомышленниками.

Таким образом, политическая культура Америки XVIII века оказалась выше, чем в странах Старого Света. Можно упрекнуть Америку в сравнительно малом количестве – или даже отсутствии – оригинальных писателей и поэтов. Двумя ранними авторами, чьи творения снискали определенную популярность, являлись уже упомянутая Анна Бредстрит и Эдвард Тэйлор. Однако уже после революции появляется первая по-настоящему талантливая американская пьеса – сентиментальная комедия Ройолла Тайлера «Контраст». Отметим также, что до 1760-х годов в колониях не существовало ни одного профессионального театра. Не было ни актеров, ни певцов, ни танцоров, ни настоящих сценических площадок. Причиной неприятия театра было убеждение церковных властей, что зрелища поколеблют нравы общества. Но какие-то формы зрелищ все же, видимо, существовали: в противном случае зачем бы, скажем, властям Бостона запрещать в 1750 году все театральные действия?

Революционеры во многом оставались под властью церковных ограничений. Конгресс Конфедерации в специальной резолюции запретил такие «экстравагантные» зрелища, как

азартные игры, конские бега, петушинные бои и все пьесы и шоу. Вспомним, что еще недавно все эти формы развлечений были в целом ряде колоний вполне легальными. Но как бы в противовес запретам процветало самодеятельное искусство – всевозможные постановочные коллективы, народные, концертные, церковные хоры и т. п. Скажем, «Моравские братья» в Пенсильвании с энтузиазмом играли Баха еще при жизни композитора – каждый год в Бетлехеме проводился фестиваль его музыки, и это было массовое мероприятие.

Война за независимость добавила своеобразия формам массовой культуры. Так, в репертуаре военных оркестров непременно имелись марши. Главнокомандующий Джордж Вашингтон приказал своим офицерам обеспечить войскам достойную музыку. По неизбежной иронии судьбы тон задавали пленные англичане, знакомые с композиторским творчеством Гайдна, Генделя, Баха, Пурселя, Арна. Разные народы приносили в музыкальную культуру черты национального своеобразия: французы и итальянцы тяготели к опере, немцы (прежде всего гессенские военнопленные) передавали мелодический дух Германии, англичане демонстрировали развитие уже знакомых американцам жанров.

Гордость американской культуры

Гордостью – и, возможно, высшим достижением североамериканских штатов – стало возникновение целой плеяды образованных людей, чьи достоинства проявились в ходе революции и в последующие десятилетия. Эти идейные борцы, вне всякого сомнения, «созрели» после волны революционной литературы, классиком которой стал Томас Джефферсон. Он обращался к английской истории, отмечая, что народ, в свое время переселившийся из континентальной Европы на Британские острова, когда-то оторвался от германских племен, однако те не претендовали на высшую власть над «колонизаторами» островов. Те же завоеватели, которые в XI веке узурпировали права тогдашних «новых британцев», в конце концов были изгнаны.

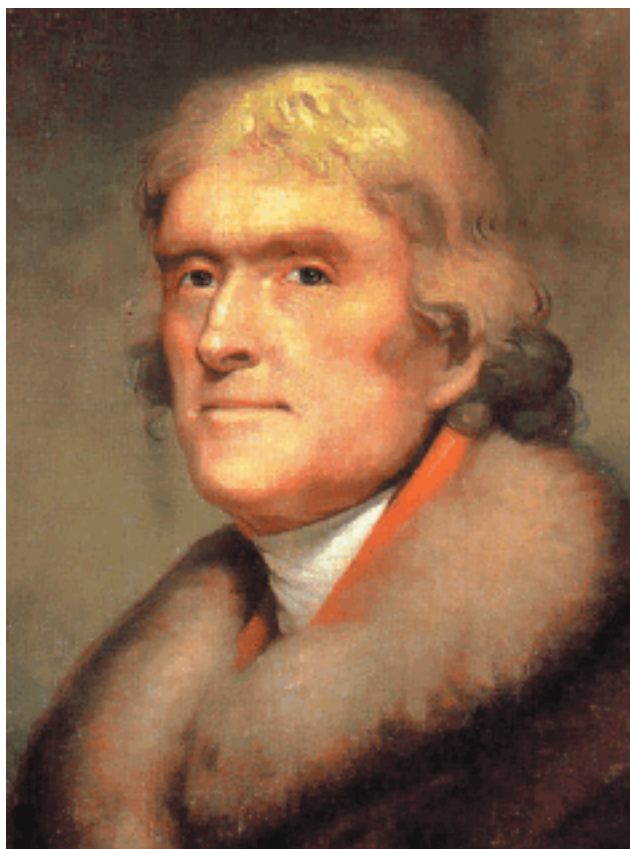
Приведенный исторический пример, изложенный в соответствии с представлениями Джефферсона об описанных событиях, звучал весьма убедительно для американцев и недвусмысленно указывал на их собственную цель – добиться столь же независимого положения в Новом Свете. В трактате об этом говорилось прямо. Еще раз зафиксируем внимание: Джефферсон считал, что раз Америка была завоевана и в ней основаны поселения, укрепленные и защищенные собственными силами поселенцев, а не британского общества, то эти поселенцы, сумевшие постоять за себя, имеют и неотъемлемое право на определение формы собственного государственного устройства.

Джефферсон перечислял случаи, когда метрополия навязывала американским колонистам свою волю, ставя последних в полную зависимость от своекорыстной политики Англии. Он писал, что отдельные ситуации могли бы быть восприняты как нечто преходящее, но целая серия репрессивных действий, с определенного момента проводимых британскими властями, слишком очевидно демонстрировала наличие сознательного, систематического плана обращения колонистов в рабов короны.

Движущей силой общественного прогресса Джефферсон считал главным образом систему общественного образования. В распространении знания он видел залог достижения счастья отдельной личности и необходимое условие благосостояния государства. В отличие от многих либеральных мечтателей своего века, Джефферсон и в этой области требовал систематических мер и целенаправленных действий. По его мнению, инициативу должно было взять на себя правительство, теперь уже не английское, а американское, и в связи с этим он в 1778 году вынес на рассмотрение вирджинской Ассамблеи свой «Билль о большем распространении знаний».

Во введении к законопроекту определялась основная задача: просветить в максимально большой степени умы широких народных масс. Определяя причину необходимости демократизации системы просвещения, Джефферсон подчеркивал, что и она в угоду английским интересам была в значительной мере трансформирована с тем, чтобы служить тирании. Заявляя, что меры по расширению и углублению образования явились бы самым эффективным политическим средством против угрозы тирании, он развивал этот тезис.

Итак, просвещение, с точки зрения Джефферсона, – единственное средство предупреждения тирании, тогдашнего варианта тоталитаризма. Имелось в виду просвещение народа в целом. Джефферсон активно оперирует понятием «счастье». «Счастливейшим» народом для него является тот, который обладает внятной, устойчивой, справедливой системой законов и имеет умное и честное правительство. Но чтобы обеспечить оба фактора, нужно определенным образом готовить интеллектуальную элиту общества. С целью сделать обучение независимым от исходных условий – средств, происхождения или других случайных обстоятельств, которые могут помешать одаренному человеку реализовать себя на благо общества, – целесообразно ввести бесплатное либеральное образование для способных детей, чьи родители не в состоянии оплачивать дорогие школы. А раз большинство граждан не имеют возможности получить образование и обеспечить его своим детям, необходимо, чтобы это было сделано за счет государства, чтобы счастье, как писал Джефферсон, распространилось на всех без исключения граждан.

Томас Джефферсон

Еще одно сочинение Джефферсона – «Заметки о Вирджинии» – обязано своим появлением необходимости рассказать миру о том, что представляют собой бывшие английские колонии. Секретарь французского посольства в Филадельфии Франсуа де Марбуа попросил Джефферсона «представить» Европе Вирджинию – крупнейший американский штат, Джеф-

ферсон не пожелал ограничиться поверхностным описанием. Он сделал все, чтобы показать европейцам богатства и многообразие природы своего родного края, нравы и обычаи его населения, выразить свои мысли о судьбах Вирджинии и всей Северной Америки. Обширные познания автора, талант писателя и возвышенные идеи философа-гуманиста вызвали к его «Заметкам» непреходящий интерес многих поколений.

Европа, считал Джефферсон, таит для молодого американца определенные опасности. Основа общественных зол и моральной деградации – неправильное воспитание. Он предостерегает друзей от желания дать детям европейское образование: там им будут привиты любовь к наружному блеску, преклонение перед аристократией и монархией.

Как вспоминали современники, Джефферсону были свойственны простота, приветливость и доброжелательность, позволявшие видеть в нем не только великого, но и доброго человека. Живя в Европе в качестве американского посла во Франции, Джефферсон встречался с поэтом и драматургом, секретарем Французской академии Мармонтелем, великим химиком Лавуазье, философом Кондорсе, известными либеральными взглядами герцогом Ларошфуко. Частым было общение с аббатом Морелле, переводчиком «Заметок о Вирджинии». В салоне мадам Неккер, чей муж безуспешно пытался спасти политический режим Франции при помощи экономических реформ, Джефферсон восторгался талантами юной дочери хозяев – будущей романистки госпожи де Сталь. Часто он бывал также в салонах мадам де Гольбах, жены известного энциклопедиста, автора «Системы природы» (много лет назад прочтенной Джефферсоном), мадам Гельвеций и, пожалуй, в наиболее охотно посещаемом салоне графини де Тессе, где имелась большая ботаническая коллекция. Чтобы пополнить содержащиеся в ней сведения, Джефферсон составил – что потребовало больших трудов – каталог американских растений.

Увлечение Джефферсона европейскими науками носило прагматический характер, ибо он считал, что при республиканской форме правления наука приобретает большую важность, чем при других режимах. В столь молодом государстве, как Соединенные Штаты Америки, научные достижения, прежде всего передовые технологии и способы производства, должны применяться для улучшения ведения хозяйства. Интерес Джефферсона к изобретениям был неукротим. Новые механизмы штамповки денег, дублирования письменных текстов, усовершенствования в военной технике, шагомер – все интересовало американского посла, Лучшие из нововведений пересылались им за океан.

Предметом гордости Джефферсона были американские успехи в технике. В частности, Томас Пейн, автор знаменитого памфлета «Здравый смысл», в 1787 году привез в Париж модель своего железного моста. Вместе с ним прибыл Джеймс Рамсей («величайший гений механики», по словам Джефферсона). Посол Соединенных Штатов патронировал прибывших, добиваясь признания их изобретений Французской академией. Однако его усилия – притом, что он был самым популярным послом при французском дворе – часто оказывались тщетными из-за медленного хода королевской правительственной машины.

Несмотря на частичное предубеждение против европейского образования, Джефферсон в «Поучениях американскому отцу, отправившему сына в Европу» писал, что возвращение американца домой подобно полету пчелы, набравшей меда. Джефферсон составил подробный перечень того, что должен увидеть в Европе молодой американец. Свой список он начал с достижений сельского хозяйства. Затем следовали мануфактуры, хотя доскональное изучение их Джефферсон считал пустой тратой времени, ибо Соединенные Штаты, по его мнению, не станут промышленной страной. Далее, писал он, нужно внимательно осмотреть сады и парковое хозяйство. Большого внимания заслуживает, с его точки зрения, европейская архитектура, поскольку при двойном приросте населения страны раз в двадцать лет общество должно заботиться и о том, чтобы удваивалось и количество зданий – и чтобы это происходило по законам хорошего вкуса, с учетом последних направлений в искусстве

строительства. Политике, по мнению Джефферсона, также следует уделить внимание, но лишь в той мере, в какой она способна помочь в улучшении участи народа.

За время пребывания в Европе еще более расширился кругозор и самого Джефферсона, обогатился его духовный мир. Большое впечатление произвела на него встреча с Жоржем Луи Леклерком Бюффоном (1707–1788), естествоиспытателем, популяризатором науки. Общался он и со знаменитым скульптором Жаном-Антуаном Гудоном (1741–1828), главой французской скульптурной школы эпохи классицизма.

Много усилий приложил Джефферсон, выполняя заказ вирджинских законодателей – создать проект здания легислатуры штата. За образец был взят великолепно сохранившийся с римских времен «квадратный дом» («Мезон Карре») в Ниме. Античная лаконичность адекватным образом выражала идею американской гражданственности. Построенный в Ричмонде Капитолий оказал влияние на архитектуру общественных зданий в США. Согласно отзыву современника, француза Ларошфуко-Лианкура, здание было прекрасным, благородным и на тот момент самым крупным в стране.

Капитолий в Ричмонде

Будущее культуры

В 1784 году Вирджинская Ассамблея приняла решение установить памятник Джорджу Вашингтону и поручила организовать это дело Томасу Джефферсону. Тот выбрал лучшего среди современников мастера – француза Ж. А. Гудона. По просьбе Джефферсона, в буквальном смысле оставив статуи королей незаконченными, художник взялся за создание скульптурного портрета Джорджа Вашингтона. По выражению американского писателя и публициста Гектора Сент Джона де Кревекера (1735–1813), изваяние составило эпоху в искусстве. За 25 тысяч ливров Гудон к 1785 году создал скульптуру на пьедестале. Вскоре скульптор прибыл в Филадельфию. Интересно, что при обсуждении проекта памятника встал важный вопрос: изобразить американского героя в античном – или в современном стиле? Выбор сделал сам Вашингтон: он предпочел современный стиль, а не античность.

Это решение знаменательно. Новое государство – это всегда и непременно новая культура. Желание видеть свою страну и нацию единой и в культурном, и в идейном плане завладело правящим слоем американцев со времен революции и Войны за независимость. Один из героев этой войны – Джон Джей – в 1797 году писал, что главная задача внутренней политики – полная «американизация» всего народа. Томас Джефферсон полностью присоединился к этому мнению. Наиболее упорные и настойчивые усилия в этом направлении предпринимались вплоть до конца девятнадцатого и начала двадцатого века.

Ж. А. Гудон. Памятник Вашингтону

Америка готовила свое культурное будущее. Атака против старых устоев была начата без промедления. Национальная Ассамблея выступила с предложением о пересмотре действующего законодательства. Джефферсон педалировал необходимость пересмотра всех законов в соотнесении с требованиями разума и идеей благополучия населения.

Следовало, прежде всего, определить отношение государства к церкви. В условиях, когда значительная часть жителей не принадлежала к господствующей англиканской церкви, нетерпимость последней, ее яростное преследование «еретиков» накладывали мрачный отпечаток на всю общественную жизнь. Наконец, многие священнослужители и после начала Войны за независимость проповедовали покорность монарху, выступали против отделения колонии от Англии. Проявив себя открытым врагом революции, англиканская церковь вызвала ненависть большинства поселенцев.

В преамбуле к биллю на эту тему, написанной с необыкновенной страстностью, Джефферсон обрушился на лицемерие, коррупцию, фальшь, тиранию – продукт взаимодействия церкви и государства. Главную свою мысль он выразил в словах о том, что *личные пристрастия и мнения* людей не подведомственны гражданскому правительству и не подпадают под его юрисдикцию. Соответственно, в билле торжественно заявлялось, что члены законодательного собрания Вирджинии постановляют: нельзя заставить человека поддерживать какой-либо религиозный культ, посещать место богослужений или священнослужителя; человек не подлежит также насилию, ограничениям, оскорблениям, какому-либо облоблению или другим гонениям за свои религиозные убеждения или веру все люди пользуются свободой исповедания и имеют право высказывать свои взгляды по религиозным вопросам, и обстоятельство это ни в коей мере не может уменьшить или расширить их гражданские воз-

можности или как-либо отразиться на них. Таким образом, американская культура идейно подготовилась к признанию множества новых религиозных систем.

Вирджинский «Статут о религиозной свободе» приобрел широкую известность в освободившихся американских штатах и в Европе. Он был переведен на французский и итальянский языки, включен в новую «Энциклопедию», послан большинству европейских правительств. В стране, куда устремились представители всех мировых религий, это идейное новшество определило дружественное приятие инакомыслия и *любой другой веры*.

При формировании самостоятельной американской культуры речь зашла о трехступенчатой системе образования. В школах первой ступени предусматривалось бесплатное трехгодичное обучение. Здесь учащиеся помимо чтения, письма и арифметики должны были овладевать ремеслами. Предлагая давать детям элементы технического образования, авторы билля на много лет опередили европейскую систему с ее традиционным подходом, при котором главенствовало классическое преподавание, оторванное от реальной жизни. Жители восставшей революционной страны сочли необходимым ввести обязательное изучение истории, чтобы события американской жизни и опыт других времен и народов помогали воспитанию граждан-патриотов. Говоря о значении этого предмета в обучении школьников, создатели новой культурной парадигмы подчеркивали, что, давая оценку прошлому, история сделает граждан способными судить и о будущем.

Ассамблея в Ричмонде предусматривала создание в Вирджинии двадцати школ второй ступени. Они, как и начальные, должны были содержаться за счет государства. Для шестидесяти-семидесяти наиболее способных учеников предлагалось установить особую стипендию, а затем, в ходе трехгодичного отсева, выделить кандидатов на третью ступень для дальнейшего обучения. Создатели новой американской культуры не были лишены наивности. Считалось, что посредством такого отбора ежегодно будут появляться двадцать гениев, которым надлежит предоставить все возможности совершенствоваться в избранных ими специальностях. Лучших ждал колледж Уильяма и Мэри, который следовало, согласно законопроекту, преобразовать в университет, являющийся собственностью штата.

Поручить государству заботу о воспитании молодежи, сделав ее поборницей передовых убеждений, поставив науки и искусство на службу обществу, – эту цель вирджинский просветитель Джефферсон считал жизненно важной, и взгляды американских реформаторов оказали глубокое влияние на развитие общественной мысли, системы образования, в целом на становление новой американской культуры. Характерно, что в колледже Уильяма и Мэри профессоров богословия, греческого, латинского и восточных языков заменили преподавателями права и управления, анатомии и медицины, современных иностранных языков.

Особым звеном намеченного реформаторами пути просвещения являлось создание содержавшихся на государственные средства общественных библиотек. Считалось желательным их создание в каждом штате, ибо, как говорили просветители, ничто иное не может принести столь большой пользы за столь малую цену. Надо заметить, что часть библиотек являлись передвижными. Ряд законодателей, видевших и в этом проекте угрозу, способную привести к «брожению умов», упорно противились его принятию. Борьба длилась долгие годы, но новая американская культурная парадигма возобладала. Ее адепты вели борьбу настойчиво и последовательно. Большое значение их усилий состояло в том, что с тех пор принцип ответственности общества, государства, а не церкви за воспитание граждан стал одним из существенных пунктов программы действий прогрессивных сил Америки и ее новой, демократической культуры.

В молодом государстве создавалась иная, более либеральная, чем европейская, судебная система. Америка решительно выступила за реформу суда, за изменение обычаев, порожденных устаревшими британскими судебными статутами. Нужно сказать, что подготовка билля, известного отныне под названием «О соотношении преступлений и наказа-

ний», потребовала большого труда. Множество сводов законов, как древних, так и современных, были проштудированы создателями новой судебной культуры. В музеях колониальных ассамблей хранятся сделанные ими пространные выписки и экземпляры юридических трактатов с заметками на полях, свидетельствующими о весьма критическом подходе авторов новой судебной системы к законодательному наследию, доставшемуся Северной Америке.

Это был труд гуманистов, стремившихся широко воплотить в жизнь передовые идеи Просвещения. Свою задачу они видели в упрощении судопроизводства, устранении разнотчений, служивших пищей для крючкотворства. Главное же, как написано в преамбуле к законопроекту о судебной реформе, заключалось в том, чтобы *свести к определенной системе весь ряд подлежащих возмездию преступлений и дать соответствующую им градацию наказаний*. Согласно этой концепции, наказание – зло само по себе, и его применение оправдано лишь в одном случае: когда оно эквивалентно добру в том смысле, что его воздействие гарантирует от повторения преступления в будущем. Из этой посылки делался вывод, что наказание должно быть крайним средством. Характерно требование отмены смертной казни за все преступления, кроме государственной измены и предумышленного убийства.

Франклин и другие

Если говорить о личностях, повлиявших на облик молодого государства, то после Джефферсона следует назвать имя признанного Европой общественного деятеля, филаделфийца доктора Бенджамина Франклина. Возможно, национальная память Америки не оценила его вклад по достоинству. В очерках по культурному строительству США сохранены лишь несколько плоских сентенций из созданного им «Альманаха бедного Ричарда» и некоторые яркие факты из его «Автобиографии». Значительно более объемно представляли себе гений Франклина его современники во Франции. Образ философа-ученого, героя Войны за независимость стал олицетворением культурного вклада молодой республики в мировую историю.

Александр Гамильтон

С портретов смотрит на нас убеленный сединами Бенджамин Франклин – прославленный мыслитель, изобретатель, опытный дипломат, энергичный сторонник объединения колоний и не менее решительный противник рабства. Мировоззрение пенсильванского мудреца выражало рост национального самосознания Северной Америки, и ему предстояло остаться в памяти человечества наиболее выдающимся американским представителем прогрессивной для того времени идеологии. Гигант культурного строительства молодой страны, Франклин был, пожалуй, первым, кто начал говорить о судьбе независимой Америки в целом, не разбивая ее на штаты. Он первым оценил демографию, добился урегулирования грантов на земельные участки, выработал гуманную стратегию обращения с индейцами. Он закрепил ориентацию на Францию и ее культуру как обязательную предпосылку самостоятельного американского развития.

Наряду со «старейшиной» Франклином, американскую политическую и социальную культуру строили такие талантливые люди, как Гамильтон, Мэдисон, Джей, Галатин. Интеллектуальные способности Александра Гамильтона также свидетельствуют, что «новые люди» Америки явились ее неожиданным культурным достижением. Мечты Гамильтона об «Америке городов» воплотились в историческом будущем страны. Плеяда вирджинских общественных деятелей (Джефферсон – Мэдисон – Монро) способствовала формированию образа Америки как просвещенной страны.

В мире идей после революции наиболее значимое место стала занимать интеллектуальная дуэль между сторонниками укрепления американской государственности, борцами за принятие федеральной конституции, восставшими против приверженцев концепции прав отдельных штатов, и их противниками. Статьи Мэдисона и Гамильтона составили целый том под общим названием «Записки федералиста». Этот шедевр политической культуры американской республики до сих пор остается идейной базой Соединенных Штатов.

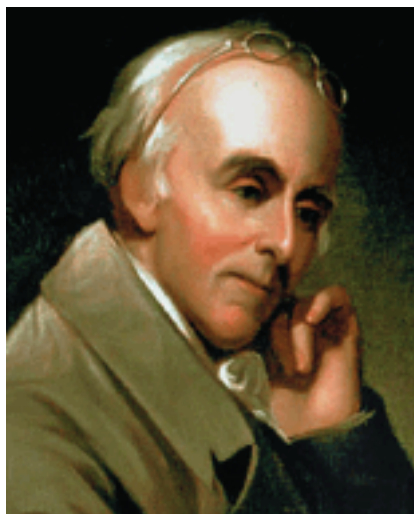
Два компонента

Европейцы еще продолжали смотреть на Североамериканские штаты скептически, но к концу XVIII столетия уже создали условия для отныне стабильного культурного прогресса, хотя и не повсеместного и не ровного. Главным условием движения вперед было закрепление двух элементов американской культурной истории: 1) одна часть американского населения продолжала неуклонно продвигаться на запад, осваивая новые и новые территории; 2) вторая часть закрепилась в приатлантических штатах, где цивилизационный прогресс продолжался уже полтора столетия, создавая университеты, газеты, условия для писательского творчества и философских размышлений.

Несмотря на меры по ограничению произвола деятелей церкви, а может быть, и благодаря им, религия в США продолжала оставаться мощной интеллектуальной силой. Она охватывала все расширяющиеся массы населения. Америка (как и Англия в это время) переживала рост религиозного чувства. Продолжались широковещательные споры об осознании греха и признании божественной милости. Этот период в американской культурной истории носит название «Великого Пробуждения». Такие проповедники, как Джордж Уайтхед, Джонатан Эдварде и «мать» Энн Ли, собирали немислимые аудитории – до 24 тысяч человек. Верующие распевали гимны и в экстазе катались по траве. Движение «трясунов» охватило всю Новую Англию – от Гарварда в Массачусетсе до Коннектикута и Нью-Йорка. Образованные люди не видели смысла в подобных проявлениях веры, но демократические принципы не позволяли нарушить право верующих на самоопределение.

Члены религиозных сект жили исключительно трезвенной жизнью, строили особые дома, в ряде случаев создавали специфический, близкий к общинному жизненный уклад. Именно тогда была заложена традиция широкого народного религиозного энтузиазма, которая остается живой и действующей по настоящую пору (микрофон и телевизор в XX веке только укрепили эту традицию).

Для образованного класса граница между XVIII и XIX веками была временем расцвета науки и появления изящных искусств. Страна приобрела – довольно неожиданно – целую плеяду весьма талантливых художников: Гилберт Стюарт, Дж. Копли, Чарльз Пиль, Ральф Ерл, Бенджамин Уэст. Не прекращалась и тесная связь с английским искусством. Американцы писали исторические полотна, портреты, ландшафты – все это запечатлело страну в ранний период после обретения независимости, сохранив память этих лет.

Бенджамин Уэст

Другим значительным шагом американской культуры было развитие естественных наук. Свообразным лидером в данной области выступило Американское философское общество, основанное в Филадельфии Бенджамином Франклином. Членами общества являлись представители прикладных наук, медицины, механики. Сам Франклин, напомним, уже получил к тому времени европейское признание как ученый. Теперь в Европе Филадельфию узнавали на карте. Одной из заметных фигур стал астроном и физик Дэвид Риттенхауз, который проявил себя и в математике. Сразу после принятия Декларации независимости он немедленно обратился к Пенсильванской Ассамблее с просьбой построить обсерваторию, предлагая свои услуги в качестве астронома. Предложение это было принято, но военные расходы заставили отложить строительство.

Филадельфия была не менее благосклонна к еще одному своему гражданину – подписавшему Декларацию независимости доктору Бенджамину Рашу, также преподававшему в Королевском колледже (ставшем Колумбийским университетом в Нью-Йорке). В 1770-х годах Раш опубликовал первый учебник по хирургии. К началу революции в колониях было 3500 врачей, но только один из десяти имел ученую степень, весьма тесными были связи американцев с шотландским Эдинбургом – одним из мировых центров тогдашней медицины.

Американские врачи раньше многих других указали на важность химии для медицинской теории и практики, на связь болезней с нервной системой. Раш возглавил хоспис (медицинское учреждение, в котором больные не только лечатся, но и живут) для пожилых. Он героически себя вел во время эпидемии желтой лихорадки. В упрек ему можно поставить лишь злоупотребление кровопусканием – однако во все века разные врачи имеют право на свои пристрастия.

Культура истории

Война за независимость побудила историков иначе взглянуть на развитие бывших колоний, на их превращение в независимое государство. В условиях переосмысления предшествовавшего периода (да и всей колониальной эпохи) стал ощущаться недостаток документального материала. Один из активных его собирателей, Джеред Спаркс, утверждал, что ранние документы хранятся в Лондоне, в архиве правительственного отдела торговли и поселений, и следует непременно изучать их. Теперь пилигримы исторической науки поплыли на восток, в Великобританию, как на историческую прародину.

Один из пионеров новой американской культуры – Френсис Хоукс – вывез из бывшей метрополии массу документов, касающихся истории Вирджинии и Мэриленда, а другой, Бертоли Кэрл, воспользовался европейскими сведениями о Южной Каролине. Посланец Нью-Йорка Джон Брокхед извлек из европейских архивов 80 томов документации. В 1837 году вышел первый том «Американского архива», а к 1853 году – еще восемь томов этого издания. Быстро стало расти значение Библиотеки конгресса, но крупнейшим центром сбора исторических документов продолжал оставаться Бостон. Также и Гарвардский университет гордился своей коллекцией исторических свидетельств истории Америки.

Как показатель культурного подъема в это время появились работы по истории отдельных американских штатов, в частности, труд Белкнепа о Нью-Гемпшире, Прауда – о Пенсильвании, Трамбала – о Коннектикуте, Мино – о Массачусетсе, Берка – о Вирджинии, Рамсея – о Южной Каролине, Уильямсона – о Северной Каролине. Между тем локальный подход к национальной истории перестал удовлетворять многих взыскательных авторов. В обстановке формирования национального рынка и роста американского государства стало расти и стремление к написанию единой обобщающей истории Соединенных Штатов.

В 1805 году Эбизль Холмс опубликовал «Американские анналы». Это двухтомное сочинение представляет собой, по сути, сухое изложение фактов с редкими вставками авторских суждений. К сожалению, здесь нет широкой культурной оценки растущего государства. Придерживаясь консервативных взглядов, Холмс сдержанно, если не сказать более, относился к американскому Просвещению.

Культурный прогресс был очевиден для всех. В 1810 году вышел первый том «Общей истории Соединенных Штатов Америки» Трамбала. Надо сказать, что общественность встретила его довольно сдержанно, и продолжения этого исследования не последовало. Юрист из Коннектикута Тимоти Питкин в 1828 году выпустил двухтомную «Политическую и гражданскую историю Соединенных Штатов», которая также не удовлетворила современников. В первые тридцать лет XIX века лишь немногие из американских историографов добились национальной известности. К ним необходимо отнести прежде всего главу «романтической» (или «ранней») школы Джорджа Банкрофта (1800–1891).

Джордж Банкрофт

В следующий период (вторая четверть XIX века) историческая наука сделала еще один шаг вперед. Романтизм в Америке возник под влиянием одноименного явления в Европе, но отличался от него многими чертами. Банкрофт и его последователи «героизировали» американскую революцию, представляя ее как путь к высшей ступени развития, и тем самым поставили США во главе мирового прогресса. Такое изображение американского опыта вело к утверждению особого пути Америки, ее национальной исключительности.

В 1834 года Дж. Банкрофт, как уже говорилось, начинает выпуск десяти томной истории Соединенных Штатов, пользовавшейся исключительной популярностью. Еще при жизни автора она выдержала 26 переизданий. Впервые история США была представлена цельной, последовательной, объединенной общей идеей. Несомненной заслугой Банкрофта было обращение к документам: он расширил круг источников – это был важный этап развития американской историографии, – и следующие школы рождались уже на основе его трудов, их осмыслении и критики.

С культурологической точки зрения Банкрофт начал новый этап в развитии американского исторического самосознания. Выпускник Гарварда, он продолжил образование в германском Геттингене, после чего вернулся в Америку. В период борьбы президента Джексона

(основателя демократической партии) с Национальным банком Банкрофт стал на сторону демократов и с тех пор не раз занимал важные государственные посты: он был морским министром, послом в Англии и Германии. Но общенациональную известность ему принесла именно десятитомная «История Соединенных Штатов со времени открытия американского континента».

Подчеркнем то, что сочинение Джорджа Банкрофта было *исследованием*. Работа Банкрофта пользовалась исключительной популярностью как лучшее для своего времени описание и оценка прошлого страны. Четыре первых тома охватывали колониальный период ее развития. В первом прослеживались европейские попытки закрепиться на североамериканском континенте. История успешных в этом отношении предприятий доводилась до 1666 года. Описывая отчаянную борьбу переселенцев за существование, Банкрофт выводит из этих обстоятельств рождение «американских принципов религиозной свободы». Так Банкрофт определяет корни американской культуры.

Второй том оканчивался 1689 годом. В обнаруживаемых разногласиях колоний с губернаторами и властями метрополии Банкрофт видел зародыш национальной революции. Восстание Бэкона дало ему пример национального стремления к независимости. В девственных лесах Америки, писал он, исподволь росла сила, противопоставляющая себя европейским тираниям.

Финал третьего тома приходился на 1748 год. Автор несколько отошел от рассмотрения событий в колониях. В центре внимания он поставил движение в глубь материка, направленное на освоение новых земель. Много места уделено описанию индейского окружения. Четвертый том доводил изложение американской истории до окончания Семилетней войны. Последние десятилетия колониальной истории Банкрофт рассматривал только в плане подготовки борьбы за независимость. Изложению хода революции посвящены остальные тома; здесь повествование гораздо более детализировано, чем в предшествующих частях.

Несомненной заслугой Банкрофта было обращение к документам: он расширил круг изученных источников, хотя брал оттуда, в основном, лишь нужные ему подтверждения той или иной идеи. Критика сочинения Банкрофта, предпринятая учеными последующего поколения, без труда определила слабости его метода. Они проявились в отрывочном изображении колониального периода, многие важные моменты оказались пропущены. Так же слабо показано внутреннее развитие колоний, взаимоотношения с метрополией прослежены поверхностно, первая половина XVIII века почти не отражена. Критики осуждали тон повествования, зачастую высокомерный и назидательный и в целом не соответствующий демократическому настрою американской культуры.

Очевидной слабостью Банкрофта было принесение в жертву задуманному сюжету глубокого и методического изучения каждого явления, в частности, ряда исторических событий. Историк «подгонял» колониальное прошлое к рамкам предложенной им схемы, не заботясь о получившемся искажении. Идеализация суровой и жестокой борьбы переселенцев, изображение этой схватки за жизнь как некоего осуществления высших идеалов, как крепостного похода за демократические свободы – все это в конечном счете подчеркивало одну идею – идею американской национальной исключительности.

Как уже упоминалось, концепция исключительности американского пути развития в закамуфлированной форме выдвигалась и ранее, в религиозных писаниях хронистов, когда Америка подавалась «землей обетованной». Но лишь с укреплением буржуазной государственности эта система взглядов проявилась в отчетливой форме, и прежде всего, конечно, в сочинениях Банкрофта. Идея исключительности в конечном счете послужила не только орудием укрепления и освящения устоев буржуазного государства, но и обоснованием территориальной экспансии в середине XIX века.

Современник Банкрофта, тоже бостонец и питомец Гарварда, Джон Палфри издал пять томов «Истории Новой Англии». Палфри создал редкую по своему пиетизму книгу. Историк будто специально отказался от права самостоятельной оценки тех событий, сопровождая их изложениями официальных мнений и суждений современников. Даже истории борьбы с ведьмами не вызвали в нем желаний осудить средневековые суеверия. В середине XIX века Палфри словно извлек из глубокого прошлого язык и традиции хронистов. Некоторую ценность его труду придал вывезенный из Англии архивный материал, а также тщательное изучение документальных хранилищ отдельных штатов. Но удивительное отсутствие скептицизма и критицизма ставило сочинение Палфри ниже современного ему уровня исторического исследования, и он вскоре был подвергнут нападкам со стороны представителей «критической школы».

В то время как историческая работа Банкрофта принесла автору успех и общенациональную известность, другой историк, Ричард Хилдрет (1807–1865), пребывал в неизвестности и откровенной нужде, из которой он искал выход на дипломатической службе, приняв пост консула в далеком Триесте. Идея создания общей истории возникла у него еще в Гарварде, но первый том вышел лишь двадцать с лишним лет спустя, в 1849 году Хилдрет в шеститомной «Истории Соединенных Штатов Америки» отошел от традиционного восторженного восхваления достоинств представителей высадившихся на побережье религиозных сект. Он поставил своей целью развенчать «мыльные пузыри» золотого века, якобы исполненные сказочных достоинств и чистоты. Он указал на противоречие между «божественным предопределением» и требованиями разума, не жалел слов в критике суеверий и теократии Новой Англии.

Коттон Мазер не пользовался его симпатией, а позицию Мазера в оценке «эпизода с ведьмами» Хилдрет неприкрыто резко осуждал. Интересна оценка, данная им «славной революции» в Англии и ее значению, Хилдрет отмечает последовавшее усиление буржуазных элементов в парламенте, считает расцвет меркантилизма следствием революционных событий. Историк называет тиранию нового парламента более губительной, чем королевский абсолютизм.

Там, где признанные авторитеты находили гармонию и медленную эволюцию, Хилдрет видел ожесточенную борьбу и насилие. Историк не обнаруживал склонности к описанию военных действий и этим резко отличался от коллег-современников. Уважения заслуживала непримиримая борьба Хилдрета с рабовладением. Он был известен скорее как автор антирабовладельческой повести «Белый раб», чем как создатель исторического сочинения. Надо сказать, что аболиционистские (антирабовладельческие) убеждения Хилдрета сказались также и в его «Истории». По этой и другим причинам данное сочинение явилось вызовом многим традициям – в особенности распространенным в штатах Новой Англии. Американские культурологи обвиняли его в отсутствии «философского подхода». Идейные противники отказали ему в звании профессора Гарвардского университета. Но это лишь еще более ожесточило историка.

В конечном счете критицизм Хилдрета одержал победу над неумеренной риторикой Банкрофта. Его труд вызвал у пришедших на смену поколений больше доверия и признания. Трезвая историческая самооценка нации, сделанная устами ее лучшего представителя, постепенно стала цениться больше цветистых самовосхвалений.

Контрольные вопросы

- 1. Какие принципы и идеи Просвещения легли в основу политической культуры Америки в ходе борьбы за независимость?*
- 2. Какие периоды можно выделить в Войне за независимость Конфедерации штатов?*

3. Какова роль Томаса Джефферсона в создании Декларации независимости?
4. Каковы идеи Томаса Джефферсона в области демократизации системы просвещения?
5. Перечислите основные идеи вирджинского «Статута о религиозной свободе».
6. В результате каких реформ принцип ответственности государства, а не церкви за воспитание граждан стал одним из существенных пунктов программы новой демократической культуры Америки?
7. Назовите представителей плеяды общественных деятелей, способствовавших формированию образа Америки как просвещенной страны.
8. Охарактеризуйте рубеж XVIII—XIX веков как время расцвета науки и появления изящных искусств.
9. Назовите представителей основанного в Филадельфии Американского философского общества.
10. Каковы особенности становления исторической науки Америки как нового этапа в развитии американского исторического самосознания?
11. В чем, по мнению Джорджа Банкрофта, корни американской культуры?

Глава четвертая Независимая страна

Гордость новой Америки

Люди ранга и склада Томаса Джефферсона и Джона Адамса не могли рассчитывать на культурное лидерство в колониальной Америке. Независимая страна, полностью оценив их таланты, уважая предпочтения, вознесла их на вершину национального признания. Приход к власти новой элиты неизбежно поставил вопрос о более современных этических и моральных нормах в отношении к религии, образованию, искусству, экономике, науке, политике, литературе. Следующим шагом в самоощущении независимого североамериканского государства было наличие посольств и консульств, регулировавших культурные и политические сношения Америки с другими странами. Особо тесными стали связи с Францией, являвшейся главным союзником США в борьбе с Великобританией и на рубеже XVIII–XIX веков переживавшей наполеоновскую эпопею. Символом теперешней ориентации может быть назван майор Пьер Шарль л'Анфан, французский архитектор, участник Войны за независимость, назначенный главным архитектором будущей столицы 9 марта 1791 года и создавший генеральный план столицы молодой независимой Америки.

Эскиз планировки столицы США Вашингтона, представленный Пьером Шарлем л'Анфаном Джорджу Вашингтону 19 августа 1791 года и переработанный в 1792 году Эндрю Элликоттом.

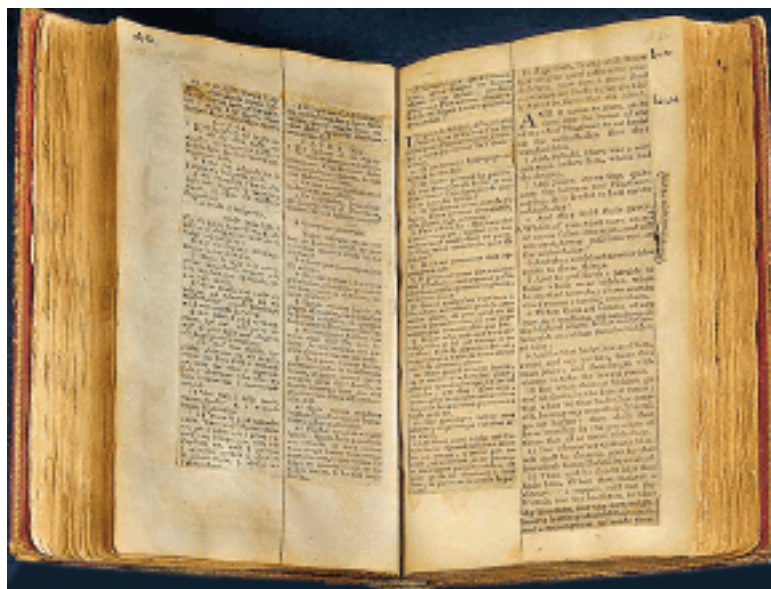
Взаимоотношения с Францией сказались, например, в том, что Людовик XVI подарил Гарварду ботанический сад, содержащий экзотические растения из королевской коллекции. Именно французы осуществили несколько путешествий по молодой стране и оставили примечательные описания. Американцы в некоторых случаях действовали чрезвычайно целенаправленно. Так, Американская академия искусств и наук приняла решение следовать скорее

французскому, чем английскому, духу и вкусу и ориентироваться на французскую Академию, а не на Королевское общество.

Четыре важнейших обстоятельства на рубеже XVIII и XIX веков более всего повлияли на становление американской культуры: 1) успехи естественных наук во всей Западной Европе; 2) начало индустриальной революции в Англии; 3) французская философская мысль XVIII века; 4) интеллектуальные последствия Великой французской революции, Совокупное воздействие указанных факторов изменило интеллектуальный климат Америки. Научный скептицизм стал символом веры поколения мыслителей, политических деятелей и социальных лидеров, пришедшего к власти в пору обретения государством независимости, Ночь теологического закрепощения уступила место ясному и оптимистическому видению мыслителей, веривших в совершенствование природы и прогресс общества. Теократия ушла в исторические глубины, Лютеране, кальвинисты, пуритане, англикане – все они отошли от жестких церковных обычаев и традиций, освобождая мысль для научных исканий.

Место прежних активных религиозных верований заняла философия деизма, согласно которой Бог (в более радикальных версиях названный «Мировым разумом») когда-то действительно сотворил мир, природу, задав физические параметры ее развития, но в дальнейшем перестал вмешиваться в происходящее в мире. Деисты не верили в чудеса и отвергали саму возможность встречи человека с Богом, познать которого человек может, с их точки зрения, только с помощью разума, а не путем мистического откровения. Учение распространилось в XVII–XVIII веках и сыграло значительную роль в развитии европейского секуляризма и атеизма, а также политического свободомыслия. Деистами являлись Джефферсон, Дж. Адамс, Вашингтон, Мэдисон, Франклин, Пейн. Характерно, что автор Декларации американской независимости обращался к «богу Природы».

Интересно рассмотреть философские и культурные взгляды Джефферсона в контексте его детских воззрений. Идеализм Платона, популярного в то время, начисто отвергался Джефферсоном. Идеи древнегреческого ученого, считал он, базируются на мистической подоснове, непостижимой для человеческого разума, и поэтому некоторые из направлений христианской религии, воспринявшие идеи Платона, и держат паству в тумане отвлеченных догм.

Библия Джефферсона с его пометками.

Сократа Джефферсон воспринимал только в изложении Ксенофонта, а наиболее прерватным его толкованием считал именно пересказ Платона. Сенека, по мнению Джефферсона, был выдающимся моральным философом. Учение Иисуса из Назарета он рассматривал как одно из ответвлений античной мысли, считая, что Эпиктет и Эпикур давали законы управления собой, а Иисус дополнил их учение обязанностями в отношении других, Христианство воспринималось Джефферсоном как этап в развитии философской мысли. Такие «искусственные» наслоения, как обожествление Христа, придание ему чудесной силы, Воскресение и т. п., он относил к произволу «ультрахристианских сект», искаживших учение благожелательного моралиста, которым в действительности являлся Иисус. Благодаря сектантам, продолжал рассуждать Джефферсон, фанатизм слишком долго удерживал господство над человеческим разумом.

Победный марш естественных наук от одного океана до другого в Соединенных Штатах Америки возглавил вышеупомянутый Бенджамин Франклин, еще при жизни, во всяком случае в Европе, увенчанный лаврами. Его коллега Б. Раш снискал признание своих открытий у лиц столь далеких от Америки, как русский царь и прусский король. Математическую науку на мировой арене достойно представлял Н. Баудич из Массачусетса, йельский профессор Б. Салливен возглавил химические исследования, ведущим орнитологом своего времени оказался Дж. Одюбон из Огайо, ботаником – К. Рафинеск. Два важнейших изобретения более всего повлияли на американскую цивилизацию: машина для прядения хлопка и пароход. Жажду первопроходцев Льюиса и Кларка удовлетворяли далекие путешествия на Запад, благодаря которым были составлены карты дальнего Северо-Запада американского континента.

Идейные искания американских мыслителей объединило унаследованное независимой Америкой от колониальных времен Американское философское общество, участие в котором принимали представители всех штатов. Дебаты в обществе велись на самом высоком для тогдашнего мира уровне. Членами его являлись многие европейские научные светила.

Идея прогресса теперь уже окончательно завоевала умы думающих американцев. Это означало окончание пуританской монополии на свободу мысли, внушало восходящей буржуазии оптимизм и в целом знаменовало уверенность в будущем континента. Никакая идея не казалась слишком смелой. Труды восторженного сторонника прогресса француза Кондорсе были немедленно переведены в Соединенных Штатах (1796). Высшим национальным выразителем этой идеи в США был вначале все тот же Бенджамин Франклин, а затем и Томас Джефферсон. Последний, как уже отмечалось, явил собой блестящий образец всесторонне талантливого «гражданина мира», принятого в Париже как вестник новой цивилизации. В самой Америке он до поры до времени служил образцом античного республиканизма, ренессансного гуманизма и творческой эффективности нового континента. Джефферсон верил в возможность постоянного совершенствования человека и человечества, он, как уже говорилось, в высшей степени содействовал модернизации системы образования в США.

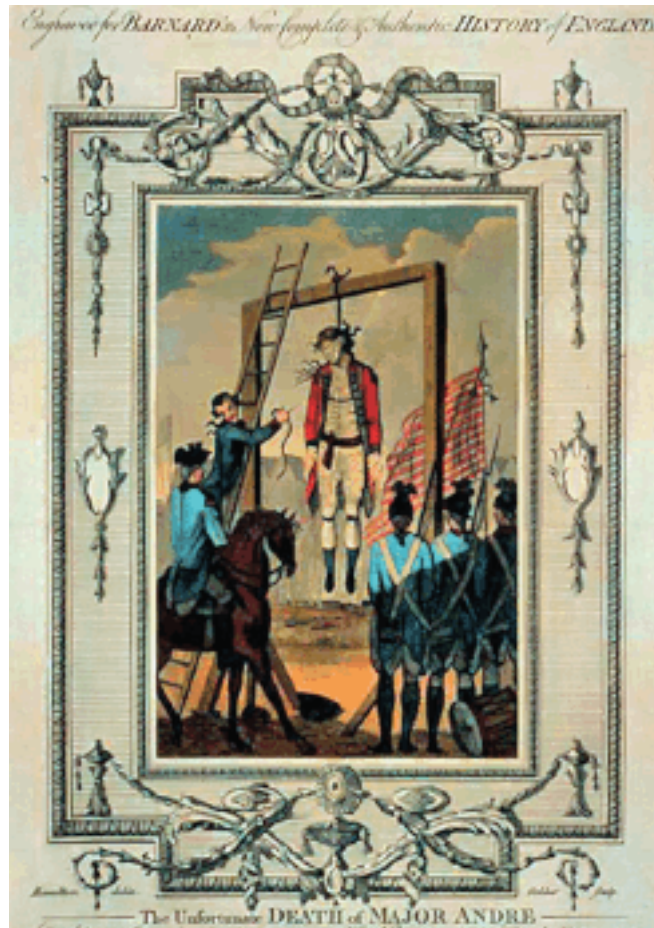
Благословением для Америки было то, что потрясения Войны за независимость, социальный и политический шок не только не ослабили художественно-артистические силы нации, но вызвали их заметный расцвет. В творческих исканиях мастеров молодой республики чувствовалась жизненная сила, исторический оптимизм, очевидный талант и безусловная оригинальность.

При этом следует помнить, что в Америке не было слоя богатой наследственной аристократии, которая в европейских странах традиционно опекала художественные таланты. Взамен в США возник массовый читатель и ценитель искусства – что было новым и давало творческий импульс. Посетители театров и читатели книг – вот за счет кого росли литература и искусство молодой страны. Предопределяющей ход культурного развития была сама

обстановка, в которой творили писатели и художники новорожденных Штатов. Господствовали рационализм, гуманизм, демократизм, практицизм. В науке доминировала склонность к обобщениям, в культуре – обращение ко всем областям жизни. Вовлечение в общественную жизнь огромных народных масс, участвовавших в революции, пробудило интерес как к отвлеченным идеям, так и к проблемам социального существования. Это была новая обстановка, отличавшая США от большинства стран Европы, не говоря уже об остальном мире. Например, именно здесь оказалось возможным столь широкое, значимое для всех членов общества движение за реформу пенитенциарной (тюремной) системы, за отмену рабства, за распределение земли.

Освещая различные аспекты культурного своеобразия развивающейся страны, необходимо отметить, что здесь воцарился космополитизм особого рода. США осознавали себя частью общемирового процесса. События повсюду в мире – в Англии, во Франции, в Италии и других странах – касаются Америки; говорить об исключительности Штатов возможно было прежде всего в том смысле, что этот «град на холме» стал демократическим маяком для всего населения земного шара. В Нью-Йорке, Филадельфии и Бостоне европейские газеты выписывали и читали не для получения сведений о том, что происходит «где-то там», не как некий свод заокеанских курьезов, а как информацию о происходящем на фронтах продвижения человечества по дороге прогресса и всемирного единения.

В революционные времена некоторые формы искусства подверглись испытанию на общественную значимость. Так, Уильям Данлэп (1766–1839), справедливо названный «отцом американского театра», успешно отстаивал право драматического действия на существование в демократическом обществе. Драма, доказывал он, может стать способом поддержания республиканских идеалов и фактором улучшения социального устройства страны. В дебатах, последовавших в пенсильванской легислатуре, Р. Моррис указывал, что рациональное, поучительное развлечение, дающее талантливому человеку шанс проявить себя, совершенствует общественные нравы, усиливая тенденцию к разоблачению пороков. С пьесы Уильяма Данлэпа «Отец» (1789) начинается история американского театра, с самого своего основания включавшего в себя больше элементов шоу чем традиционно принято в европейском. Девизом Данлэпа, автора пятидесяти пьес, были, что характерно, слова: «Свобода, наука, мир, благополучие, моя страна». Соратниками и сторонниками Данлэпа стали близкие джефферсоновскому демократизму Дж. Баркер и М. Ноа.

Обложка к трагедии Уильяма Данлэпа «Андре».

Хью Брекенидж

Обращение к реализму стало свойственно не только драматургам, но и писателям наступившей эпохи независимости. На «правом» фланге рождающейся великой литературы стоял выпускник Гарварда и выходец из Бостона Ройал Тайлер (1757–1826), изобразивший

американскую реальность с определенно консервативных позиций Севера. Тайлер писал в предисловии к своим сочинениям, что его проза – попытка удовлетворения потребности широких масс в художественном вымысле, тесно сплетающемся с обстоятельствами реальной жизни. Его герои вспоминают, что в начале их жизненного пути книга ассоциировалась с жителем прибрежного города и семьей священника. В конце же этого пути книги стали желанны и в кругу фермеров хинтерланда (территории, простирающиеся в глубь континента от береговой зоны морей и океанов), и в среде тех, кто осваивал и расширял границы, мостил дороги и строил каналы.

«Левый» фланг американской словесности был представлен Хью Брекенриджем, который дал «физиологический портрет» современной ему Америки. Отчасти он подражал Сервантесу, отчасти являлся бытописателем, и его героями были фермеры в приграничном районе Питсбурга, а читателями – такие же фермеры по всей стране. Демократические права и свободы нашли в нем своего певца. Однако значительно радикальнее Брекенриджа мыслил Чарльз Браун (1787–1842), прямой предтеча Купера и Готорна. Выходец из семьи квакеров, Браун, зная европейские языки, жадно следил за литературным процессом в Европе, Знаменем его был рационализм, побеждающий в борьбе с предрассудками. Возможно, это был первый американский автор, которого читали такие европейские авторитеты, как В. Скотт и П. Шелли.

Революционный переворот расколол надвое сообщество американских художников. Одна его часть выступила с аристократическими претензиями, вторая восприняла демократические идеалы. Среди последних наиболее заметным является Чарльз Пиль (1741–1828), создавший портреты лидеров революции. Именно он был организатором первой публичной выставки в Америке и убедил отцов города Филадельфии создать художественный музей. В конечном счете именно Филадельфия стала местом организации Академии художеств, целью которой было культивировать изящные искусства в Соединенных Штатах Америки. Соперником Пили в области живописи стал Джон Трамбал (1740–1809) из Коннектикута. Знаменитые сцены из истории Войны за независимость были запечатлены для потомства именно этим бывшим полковником революционной армии, который стал автором психологически глубоких портретов.

Территориальное удвоение страны

Насколько тесно была связана Америка с происходящим в Европе, показывает случай, относящийся к периоду наполеоновских войн. Исторически сложилось так, что некой обширной областью на американском континенте – впоследствии эта область получила название Луизиана – владели французы, затем испанцы, после этого снова французы. Наполеон жаждал упрочить свои позиции в Северной Америке, однако начал с острова Сан-Доминго, ныне известного как Гаити. На Гаити его армию встретили местные жители, сражавшиеся, как принято говорить, «с отчаянием обреченных». Они разрушили дороги, отравили колодцы, среди французов началась эпидемия желтой лихорадки. И через год болезнью и партизанской войной был уничтожен весь наполеоновский экспедиционный корпус – 20 000 человек. Впервые наполеоновские войска потерпели поражение.

Наполеон уже не видел возможности удержать силой и Луизиану, его планы великой западной империи в Сан-Доминго потерпели крах в борьбе с чернокожим губернатором острова Туссенем Лувертюром погиб французский генерал Леклерк со своей армией. Между тем обстановка в Европе снова накалялась. Для осуществления экспансии в Средиземном море Наполеону нужны были корабли, те самые, которые он готовил к броске через Атлантику. Как кость в горле, на пути осуществления его средиземноморских планов стояла находившаяся во владении англичан Мальта, но еще больше – Гаити. Спор из-за маленького ост-

рова, имеющего большое стратегическое значение, перерос в общий конфликт стародавних конкурентов. Европа снова оказалась на краю военного вулкана. В масштабе глобального противоборства Франции и Англии вопрос о Луизиане приобрел локальное значение. Французам, кроме всего прочего, необходимо было заручиться американской поддержкой, раз они не желали усиления позиций Англии в Северной Америке. И 11 апреля 1803 года первый консул в Сен-Клу поставил точку: «Нет больше места нерешительности и размышлениям. Я отказываюсь от Луизианы».

Подписывая договор о покупке Луизианы, американский представитель Ливингстон сказал, что в долгой политической жизни страны этот шаг представляет собой самое благородное свершение. С этого момента Соединенные Штаты *заняли место среди ведущих держав мира*. Благодаря одному росчерку пера территория США фактически удвоилась, и Америка стала практически необоримой.

Субъективно президент Джефферсон, видимо, рассчитывал, что эта акция усилит средний слой населения, класс фермеров, но объективно путем проведения ряда правительственных мероприятий он способствовал по существу ускоренному экономическому развитию страны. Результат значительно превысил ожидаемый. Вместо устья Миссисипи с Новым Орлеаном и частью Флориды США получили огромную Луизиану. Овладение ею превзошло самые смелые проекты идеологов американской экспансии на запад континента.

На следующий день после получения известия о покупке Луизианы на далекий Запад отправилась экспедиция Меривезера Льюиса (1774–1809), личного секретаря и близкого друга Джефферсона. Политик и ученый, Джефферсон всю свою жизнь поддерживал исследователей американского континента. Самый известный из его прежних протеже – упоминавшийся уже Джордж Кларк (1770–1838), исследовавший верхние притоки Миссисипи. На сей раз целью экспедиции был Тихий океан, обследование огромных пространств от Миссисипи до Калифорнии, Президент Джефферсон безоговорочно доверял лейтенанту Льюису. Он посылал его в экспедицию и как президент США, и как президент Американского философского общества.

Теперь Льюис и Кларк отправились к западным пределам континента, и привезенные ими образцы диковинной флоры и фауны усилили интерес всей страны к западной половине Америки. В конце июня 1803 года Джефферсон удалился в Монтичелло, где его дом заполнили трактаты – описания различных районов Луизианы – и географические карты. Через месяц из-под его пера вышло «Исследование о границах Луизианы».

В индейской политике Джефферсона в 1803 году ничего не осталось от гуманистической программы Просвещения. Теперь он провозглашал, что индейцев больше не нужно приглашать селиться на здешних землях. Напротив, их следует принудить к эвакуации. В 1804 году Конгресс дал президенту право «предлагать» индейцам земли за Миссисипи вместо их исконных поселений.

Карл Бодмер. Акварельный рисунок вождя одного из воинских обществ, 1834

Расширение государства на запад – после приобретения Луизианы – грозило совершенно подорвать политическое значение новоанглийских штатов. Среди федералистов Севера возникали проекты отделения, образования Северной Федерации. Смерть Александра Гамильтона (1755–1804) и политическая кончина вице-президента Аарона Бурра (1756–1836), потерпевшего от Гамильтона сокрушительное поражение на выборах губернатора Нью-Йорка (оскорбления Гамильтона понудили Бурра вызвать соперника на дуэль, где Гамильтон и был убит, однако политическая карьера победителя-убийцы на этом фактически закончилась), ослабили силы и надежды заговорщиков.

Просветители

Думая об укреплении национального единства, президент Джефферсон, в частности, разработал проект национального университета. После обсуждения с ведущими американскими учеными президент через сенатора Догана вынес законопроект о создании университета на обсуждение сената. Однако предложение не вызвало энтузиазма законодателей.

Все же созданный в 1819 году Вирджинский университет – главный памятник просветительской работы Джефферсона. Обучение в университете охватывало широкий круг дисциплин – древние и современные языки, математику и физику, право, управление, гуманитарные науки, литературу. Джефферсону принадлежала не только законодательная инициатива, но и материальное обеспечение, архитектурное планирование, создание системы обучения, выбор дисциплин и все прочее. Вирджинский университет впоследствии выпустил из своих стен немало известных людей, в том числе писателя Эдгара По и президента Вудро Вильсона.

Как отличалась страна от той, какую Джефферсон видел в юности! Эти перемены были не только внешними. Для поклонника философии Просвещения ускоряющийся ритм создания промышленных центров на севере означал начало нового пути. Капиталистическое развитие Америки оставляло все меньше возможностей размышлять об альтернативах. Мир, в котором имелось пароходное сообщение между Нью-Йорком и Канадой, являл собою уже другую реальность.

Дело не только в омрачавших пейзаж дымных трубах. Всегда в истории любой страны эпохи высокого идейного взлета и крайнего напряжения творческой мысли с их неизбежными разочарованиями временного характера сменяются периодами относительной апатии.

После подъема политической мысли, характерного для эпохи революции и периода становления государства – с 1776 по начало 1800-х годов, постепенно наступал период относительного упадка. Буржуазный практицизм, вопросы дебата и кредита сменили революционный, новаторский дух предыдущей эпохи.

Постепенно правительство и Конгресс отказались от формулировки четкой политической доктрины, довольствуясь прагматической всеядностью. Путь, на который встала страна, уводил прочь от республики землевладельцев с приблизительно равным достатком. Америку второго десятилетия XIX века уже не интересовал вопрос «монархия или республика». На повестку дня встали реальные проблемы банковской ставки, постройки дорог, проведения каналов, роста и обогащения – то, что именуется развитием капитализма. Тон историческому развитию Америки задавала уже не южная Вирджиния, а индустриальные северные и центральные штаты, поддерживавшие рост западных поселений. Идеолог просвещенного гуманизма, Джефферсон самым ходом историко-экономического развития был осужден на фактическое одиночество в своем вирджинском поместье.

Отойдя от кипения политических страстей, Джефферсон посвятил себя чтению классической литературы, которое наполняло его душу восторгом, математическим истинам и здоровой философией, равным образом безразличной к надежде и страху, дававшей ему утешение. В переписке с Джоном Адамсом, возобновленной после нескольких лет жизни в Монтичелло, Джефферсон дал своему корреспонденту совет, который говорит о его собственных жизненных правилах. Он призывал Адамса не стремиться к отдыху и с радостью встречать препятствия, которые ставит перед ним жизнь. Любовь к отдыху, по мнению Джефферсона, все шире разрастается в человеческой душе и ведет к отказу от физических упражнений, расслаблению разума, индифферентности ко всему окружающему, а в конечном счете – к анемичности тела и апатии ума, наиболее далеко отстоящим от счастья. Принципы философии счастья, по мнению Джефферсона, полнее других выразил Эпикур; согласно его учению, твердость является одной из четырех основных ценностей, без которых счастье невозможно. Встречать и преодолевать препятствия, а не бежать от них подобно трусам – вот поведение, характеризующее человека истинно счастливого.

К письму Адамсу Джефферсон, извиняясь за несколько лапидарный стиль, прилагал написанное двумя десятилетиями ранее краткое изложение столь почитаемой им философии Эпикура и сумму своих жизненных правил. Характерно, что моральные принципы он выводил из физических свойств Вселенной. Так, в фундаменте этической системы Джефферсона лежат представления о том, что Вселенная вечна, ее части, великие и малые, взаимосвязаны и взаимозависимы, существует лишь материя и пустота, движение внутренне присуще материи, которая обладает весом и падает. Далее следует утверждение о том, что существуют боги – создания более высокого порядка, чем ЛЮДИ; они наслаждаются в своей сфере собственными радостями, не касаясь забот смертных. Для смертных же высшая цель жизни – счастье, его основание – достоинство, мера достоинства – полезность. Существует и удовольствие, по своей природе активное и беспечное. Подлинная радость человеческой жизни – беспечность и отсутствие боли. Идеальное и искомое состояние, по Джефферсону – не испытывать телесной боли и волнений ума, быть благополучным, беспечным, спокойным. Чтобы достичь спокойствия ума, должно избегать желания и страха, двух главных болезней разума. Человек в своих действиях свободен. Его достоинства заключаются в благоразумии, выдержке, твердости и справедливости, Им противостоят глупость, желания, страх и ложь.

При помощи стоического мировосприятия Джефферсон хотел избежать моральных издержек, прежде всего разочарования, сохранить здоровое, спокойное и оптимистическое отношение к жизни. Характерно, что Джефферсон не обращался к религии. Религия для него была скорее суммой жизненных правил поведения. В одном из писем он писал, что всегда судил о религиозности других по их жизни, и предлагал судить себя по тому же критерию.

Из эпистолярного и литературно-публицистического наследия Джефферсона позднего периода его жизни встает портрет отнюдь не разочарованного и опустошенного государственного деятеля на досуге, а образ гармоничной, мужественной, целеустремленной, полной больших замыслов личности. Он говорил, что ведет свой челн, руководствуясь надеждой впереди, оставляя позади страх.

Разумеется, просветительская деятельность Джефферсона – далеко не единственный пример целенаправленной культурной активности. В галерее Монтичелло в первые десятилетия XIX века было собрано довольно много скульптурных и живописных портретов исторических и государственных деятелей, ученых. Напротив бюста Джефферсона стоял Гамильтон, а Вольтеру и Тюрго противостояли венценосные Наполеон и император Александр. Со стен смотрели портреты Колумба, Ньютона, Локка, Бэкона, Вашингтона, Адамса, Франклина и Мэдисона. Помимо висевших в зале портретов государственных деятелей, в Монтичелло имела художественная галерея, где посетители могли любоваться картинами трех великих мастеров: Рафаэля («Святое семейство»), Рубенса («Бичевание Христа»), Пуссена («Вознесение»). Такой подбор, между прочим, отражал вкусы Джефферсона, которому была по душе возвышенная, спокойно-величавая и безгранично богатая оптимизмом жизненная философия мастеров. Проникновенность Рафаэля, полнота бытия Рубенса, задумчиво-патетическая тональность Пуссена больше всего трогали его.

Посетители галереи с интересом рассматривали также экспонаты небольшого палеонтологического музея.

Самые многочисленные жители культурных оазисов Америки – книги, громоздившиеся на огромных стеллажах. Личное книжное собрание Джефферсона послужило основанием Библиотеки конгресса, ныне одной из крупнейших в мире (в 1814 году накопленные Джефферсоном за пятьдесят лет жизни книги отвезли в одиннадцати фургонах в сожженный англичанами Вашингтон). Джефферсон оставался президентом Американского философского общества – практически американской Академии наук – вплоть до 1814 года, когда он попросил избавить себя от этой «синекуры». Его вкладом в работу Общества явилась критика философии Юма и Блекстона, разбор философии эпикурейцев, сравнительный анализ классификаций органического мира Линнея, Кювье и Блюменбаха, описание и характеристика американских и сибирских ископаемых, разбор новой испанской конституции, работы по математике, стандартам мер и весов, языкознанию.

Джефферсон словно предсказывал появление таких фигур, как президенты Эндрю Джексон и особенно Авраам Линкольн, которые возглавили страну, выйдя отнюдь не из чопорной Новой Англии, а из гущи поселенцев Запада.

Новые веяния охватывали Америку, страна уже забывала о своем прошлом суверене – английском короле, росло третье поколение американцев, не знавших британского господства. Архитектура становилась одним из наиболее востребованных в Америке искусств.

Окончание Ренессанса и новый Ренессанс

К концу XVIII века эпоха неоспоримого доминирования замечательной плеяды людей американского Ренессанса в обществе и в культуре окончилась. Снизился общий интеллектуальный ценз общества, центром внимания стал поселенец, живущий на границе цивилизованного мира. Избрание в 1828 году президентом демократа – генерала Эндрю Джексона – было знаковым. Европейски-космополитический лоск уступил место грубоватой силе строителя и фермера, героя индейской границы, оторвавшегося от европейской пуповины.

Война всколыхнула все слои общества, каждого человека поставив перед выбором и способствовав росту гражданских чувств. Созидательная энергия Америки получила сти-

мул, обращенный, в конечном счете, к росту материальной и духовной культуры – однако эта духовность была уже другого толка.

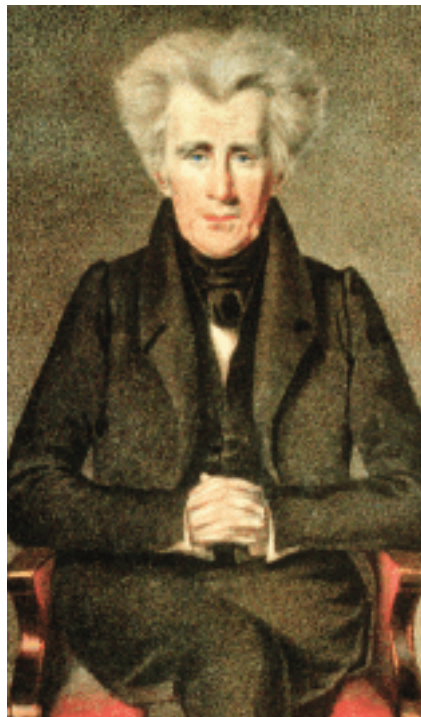
Независимость принесла смену общественных идеалов, эстетических норм, условий формирования культуры. Науки и искусства получили долговременный и стабильный стимул к развитию. Внешний мир – от столиц Старого Света до китайских портов – шире и шире открывался для молодого государства. В страну устремились новые потоки эмигрантов, теперь уже не связанные обязательной лояльностью к английской короне и более свободно раскрывающие свой культурный потенциал. Отступило консервативное, угодливое; вперед выступило смелое, энергичное, своеобразное.

Теология отходила на второй план, мощные идеи революционного периода завладели общественным вниманием. Те, кто не был востребован в узких рамках колониального уклада, смело вышли на национальную арену независимой государственности. Основание единой столицы объединенных штатов содействовало формированию в умах американцев нового культурного миропорядка, в таком контексте секулярного (секуляризм – программное отделение власти церкви от власти государства) и основанного на самых просвещенных принципах века. Исчезновение с национальной сцены королевских чиновников высшего звена (губернаторов, военачальников, судей, крупных землевладельцев) привело к возвышению прежде стоявших на вторых ролях торговцев, фермеров, городских буржуа, средних землевладельцев. Это, несомненно, демократизировало всю систему общественных отношений в Соединенных Штатах, привнесло в культуру те элементы демократизма, которых и следовало ожидать от самой большой республики своего времени.

Укрепление двухпартийной системы

Невозможно представить себе американскую цивилизацию без двухпартийной системы. В своем современном виде она возникла и укрепилась до Гражданской войны. В 1828 году возникла демократическая партия, а в 1858 году – республиканская.

Основатель демократической партии – президент Эндрю Джексон – заявил в 1834 году, что избираемый всем населением президент представляет весь народ Соединенных Штатов, а каждый конгрессмен – лишь малую часть этого народа. Тогда возмущенный Дэниэл Вебстер, великий оратор, правда, не сумевший победить в президентской гонке, ответил, что Конституция не говорит таким языком, Конституция нигде и никогда не называла президента представителем американского народа, по меньшей мере прямым и единственным.

Эндрю Джексон

Именно этим разногласиям Соединенные Штаты и обязаны созданию двухпартийной системы – одного из важнейших оснований политической культуры страны.

Для того чтобы показать перспективу развития идей Эндрю Джексона, укажем, что у представляющего «новых демократов» профессора Вудро Вильсона в конце девятнадцатого века уже не было колебаний. Он твердо стоял на стороне доктрины, заложенной более чем полустолетием назад генералом-президентом Джексон, то есть на стороне тех, кто видел в федеральной власти выразителя общенациональных интересов.

Ей, федеральной власти, и решать назревающие проблемы современности. Президент сам их должен конкретизировать в условиях кризиса, Он может взять столько власти, сколько ему покажется нужным. Именно он характеризует баланс сил в определении пределов гражданских свобод, в фиксации законов, в характеристике морального подхода к главным общественным проблемам. Президент является единственным лицом, определяющим внешнюю политику страны. И если народ его поддерживает – он неуязвим, так как вся страна проникается единым пафосом и действует через посредство президентских прерогатив.

В культурном и политическом становлении Америки феноменальное значение имела периодическая печать. Органы периодической печати во множестве возникали во всех штатах, северных и южных, старых и новых. В начале XIX века в США выходило около *четырехсот газет*. Между ними шла жесткая политическая борьба. Скажем, Гамильтон поддерживал нью-йоркскую «Газету Соединенных Штатов», а его оппонент Джефферсон – филадельфийскую «Национальную газету». Именно в периодических изданиях пробовали перо те, кто позднее составил славу американской литературы. На страницах обсуждались все возможные проблемы, впервые стали появляться научно-популярные статьи. Если ежедневная пресса с неизбежностью плотно завязла в текущей политике, то еженедельники и ежемесячники делали упор на литературу, поэзию, на огромное множество идей, за несколько десятилетий перекочевавших из кабинетов избранных в умы простых горожан.

Определенную роль в культурном развитии Америки сыграло быстрое развитие мореплавания. Из дальних стран по ту сторону Тихого океана бостонские капитаны привозили предметы восточного искусства, бесчисленные вазы, статуэтки, шелк – и, разумеется, увле-

кательные рассказы о чудесах неведомых цивилизаций. Твердыня пуританизма могла выдержать многое, но не это бесконечное расширение идейного поля, не эту безграничность нового знания, прямо связанного с практикой. С другой стороны, накопление богатств у купцов, формирование целых купеческих династий – Адамсов, Бруксов, Паркменов, Тикноров, которые для образования своих детей способны были пойти на многое, – увеличивало потенциал культурного развития страны.

Историческая культура

Главное место в американской историографии постепенно стал занимать гарвардский историк Френсис Паркмен (1823–1893), посвятивший свою долгую жизнь изучению англо-французского соперничества в Северной Америке. Обладая высоким литературным мастерством, Паркмен после многих лет длительного и кропотливого труда создал полтора вековую эпопею военной истории колониального времени. Он представил столкновение Франции и Англии как борьбу королевского деспотизма с конституционной свободой. Характеризуя английские колонии как более совершенные предгосударственные образования, Паркмен подчеркивал, что преимущества в соперничестве на североамериканском континенте были на стороне Англии, ставшей на путь капиталистического развития, а не у абсолютистской Франции, и этим объяснял окончательную победу английских колоний.

Паркмен трактовал исторический процесс в стиле, близком английскому историку Карлейлю, – отдавая предпочтение выдающимся личностям, направляющим ход мирового развития. Паркмен не избежал «антропологического» объяснения конечной победы англичан. В работе «Старый режим в Канаде» он сравнивал «англосаксов» и «французских кельтов». По его утверждению, в германской расе преобладает мужское начало, и потому она наиболее приспособлена к самоуправлению, в отличие от более импульсивных французов, которых всегда восхищает оппозиционность сама по себе и которые, в конечном счете, попадают под ярмо деспотизма. Расистские «аргументы» Паркмена были восприняты теоретиками «тевтонского» происхождения американских социальных институтов.

Френсис Паркмен

Историки романтического направления господствовали в американской историографии до последней четверти XIX века. Романтизм в Америке возник под влиянием одноименного явления в Европе, но отличался от него многими чертами. Банкрофт и его последователи «романтизировали» американскую революцию, представляли ее как путь к высшей ступени национального развития и тем самым ставили США во главе мирового прогресса. Такое изображение американского опыта вело к утверждению особого пути Америки, «американской исключительности». Уже первое поколение «романтиков» нашло своего критика в лице упомянутого выше Ричарда Хилдрета, расходившегося с представителями «раннеромантической школы» по важным вопросам. В дальнейшем романтический историзм в Америке пришел в упадок.

Новый тип иммигрантов

Голод в Британии середины 1840-х годов, вызванный загадочной болезнью картофеля и усугубленный некомпетентностью британского правительства, повлек за собой массовое переселение в Америку ирландцев, озлобленных политикой Лондона и ожесточенных в отношении англичан. Это привело к образованию в США первого крупного этнического меньшинства, политически весьма активного, консолидированного и готового противостоять англосаксонской культуре.

В этой обстановке сформировались предпосылки возникновения межнациональной розни, так как в те времена население Америки вовсе не было расположено воспринимать как часть американского общего наследия религиозные убеждения и культурные особенности переселенцев, уже в момент прибытия склонных к противостоянию. Взрывной темперамент бесшабашных ирландцев-католиков наткнулся на жесткое противодействие большинства населения страны, традиционно подозрительного в отношении католицизма. В мае-июле 1844 года произошли первые массовые акты насилия в отношении ирландцев. Родилась проблема различия этносов – постоянная американская проблема с тех пор и до наших дней.

Лишь к середине XX века большинство американских протестантов признало, что католичество не противоречит идее американской национальной идентичности. Свидетельством этому было избрание первого католика – Джона Кеннеди – президентом Соединенных Штатов.

Ирландцы лишь слегка «разбавили» весьма впечатляющую однородность американского общества. К тому времени американцы уже привыкли смотреть на себя как на бунтарей, потрясших основы Британской империи. В отличие от ирландцев, трудолюбивые немцы из самых разных государств не объединенной еще Бисмарком Германии продемонстрировали удивительную способность вливаться и ассимилироваться в новом мире. Значителен был и приток переселенцев из скандинавских стран – европейского оплота протестантизма в мире. Неудивительно, что в Америке эти трудолюбивые граждане не встретили неприязни. Примерно до 1880 года основная масса иммигрантов прибывала в Америку из Британии, Германии, Скандинавии. То был последний массовый поток представителей сравнительно мало антагонистичных наций, легко совместимых с уже установившимся на осваиваемом континенте социально-культурным порядком. В будущем к государственному монолиту подступила иная этническая стихия, но до этого момента пока еще было далеко.

Проблема самоутверждения независимого государства представляла уже чисто исторический интерес. Страна росла в направлении долины реки Миссисипи, а затем – в необозримую даль до побережья Тихого океана. Вопросы независимости Америки, джефферсоновской демократии, определения места государства в атлантическом мире отступили на второй план перед трансформацией континентального масштаба. Направление, в котором

формировался интеллектуальный климат, проходили философские изыскания, художественное творчество и литературные поиски, радикальным образом изменилось.

Техническая революция делала путь на запад материка отличным от овладения атлантическим побережьем. По рекам и каналам дымили пароходы, а на повестку дня выступило новое феноменальное изобретение – железная дорога. Демократия президента Эндрю Джексона (руководил страной в 1828–1836 годах) качественно отличалась от демократии Вашингтона – Джефферсона прежде всего тем, что в руках растущего населения Америки были значительно более мощные инструменты овладения природой. В этом контексте преувеличить воздействие промышленной революции на культурное развитие страны просто невозможно. Изменились интеллектуальные интересы, эстетические пристрастия, инструменты распространения идей, социальные институты, особенно в области образования. Новое для Америки – сталелитейные предприятия, строительство железных дорог, огромные текстильные производства – трансформировали как классовый состав населения, так и его вкусы, пристрастия. Возник знаменитый американский «средний класс», носитель идей стабильности, упорядоченной передачи опыта, стремящийся усовершенствовать социальную систему и оптимизировать образование.

С другой стороны, в каждом из штатов были приняты законопроекты, позволяющие облагать налогами новые состояния: так появлялись средства для строительства школ и колледжей. Америка становилась богаче и могла позволить себе многое из того, что было недоступно менее удачливым странам.

Росли города. За полвека Нью-Йорк удесятирил свое население, достигнув полумиллиона жителей. В неведомых прежде городах Цинциннати и Чикаго жило больше горожан, чем во всей Америке эпохи начала независимого существования. Городская культура давала импульс формированию национального самосознания. Массовое производство не могло не отразиться на вкусах и пристрастиях всего народа. Первые проявления консьюмеризма (философии потребления) ощутимы были именно здесь – практически на самой дальней границе западного мира.

Традиционный порядок рушился со скоростью локомотива, пересекающего долину Миссисипи. Телеграф, с одной стороны, и более совершенные печатные машины, с другой, подняли книгопечатание и весь журналистский бизнес на новую высоту. Появилась газета стоимостью в пенни. Образовался невиданный по масштабу инструмент распространения социальных и научных идей, а дух научного приключенчества и феноменальных побед над природой стимулировал исконный оптимизм пионеров – основу их культурного существования.

Еще раз подчеркнем важность обширнейшего притока новых американских граждан, исповедовавших все возможные верования, следовавших всем возможным обычаям и традициям. «Плавильный тигель» Америки работал на полную мощность, но ясно было также, что новые волны поселенцев оказывают влияние на самую душу государства. Число иммигрантов-неанглосаксов побило все прежние рекорды, и характер страны стал соответственно меняться. Золото Калифорнии и свободные земли великих прерий притягивали наиболее энергичных представителей всех рас и народов. Впервые католики обрели видное общественное положение в базово протестантской стране, впервые принципы свободы вероисповедания с необходимостью реализовались в конкретных условиях жизни миллионов людей. В культурном развитии Америки впервые в полную мощь проявились те обстоятельства, что в стране отсутствовала объединяющая всех монархия, что здесь не было класса аристократии, который владел бы политической властью и диктовал все особенности жизни – от норм морали до моды в одежде. И, напротив, по стране бродили сонмы никому неведомых лекторов, пропагандистов, проповедников, работали сотни издательств, выходили в свет тысячи независимых периодических изданий. В каждом городе были общественные школы, в круп-

ных городах появлялись музеи. Почти каждый год страну сотрясали выборы губернаторов, судей, работников легислатуры и т. п.

Чарльз Диккенс

Таким путешественникам, как Чарльз Диккенс, это месиво не внушало симпатии, европейски дисциплинированные умы не воспринимали американскую мозаику и мало чего ждали от нее в смысле культурных достижений. Но трудно было отрицать и огромную живительную силу народа, сумевшего в несколько десятилетий освоить колоссальные просторы; народа, обладающего мужеством, предприимчивостью, трезвостью суждений, способностью к компромиссу, желающего блага своим детям – и не жалеющего средств для воспитания и образования нового поколения.

В первой половине XIX века в американской культуре произошел примечательный слом: вчерашние восторженные поклонники всего французского (рационализм, атеизм, вера в разум, убежденность в происходящем прогрессе) начали менять кумиров. На первый план вышел новый образец для подражания – Германия Канта и Гете, германская «критика чистого разума», германский романтизм, германская система образования. Именно в Германию устремился поток американских студентов, разочарованных католической реакцией мыслителей типа Жозефа де Местра, проповедовавшего необходимость императорской власти и ненавидевшего революцию. В моду входила германская трансцендентальная философия, и вместе с ней – такие поклонники немецкой культуры, как англичанин С. Т. Кольридж, такие певцы феодального романтизма, как Т. Карлейль.

Лидирующим в культурном и экономическом отношении регионом Америки продолжали оставаться Северо-Восток, Новая Англия и срединные штаты. Отсюда шли все культурные нововведения, в огромных городах этого региона формировались литературные вкусы и художественные пристрастия. Здесь воцарилась прикладная наука, в местных университетах росли те, кто давал Америке новые идеи, нес новое слово.

Им предстояло доказать, что политическая демократия и индустриальный подъем совместимы – это была принципиально новая постановка вопроса по сравнению с аграрной политикой Джефферсона, – и что демократия универсальна и жизнеспособна даже в том случае, если несет значительное социальное расслоение.

В созидании культуры нового типа наука объединялась с американской деловитостью. Селекция семян, система орошения, овладение пространством при помощи железных дорог, рационализация фабричного производства, новые невиданные станки – все это резко меняло культурное лицо страны, впервые обнаружившей благо массового производства. Природа стала полем битвы, познание ее законов способствовало продвижению целой нации вперед. Именно наука дала вполне рядовому американцу подлинно революционное представление о мире как арене постоянного приложения разума, непрерывной оптимизации человеческих действий, неустанного продвижения в борьбе с уязвимостью и нищетой.

Северо-Восток выходит вперед

В результате целого ряда идейных преобразований и смены приоритетов связь с английским и французским Просвещением очевидным образом ослабла. Прежние духовные ориентиры – Лондон и Париж – уступили место германским университетам. Если теперь американцы и читали Карлейля и Колриджа, знакомясь с передовой английской мыслью, то параллельно они сверялись с германскими ориентирами, особенно с прессой и встречавшимися в немецких источниках комментариями. Своеобразным лидером американских германофилов в это время стали профессор Тикнор из Гарварда и уже упомянутый историк Джордж Банкрофт. Германское влияние на американскую культуру проявлялось через произведения Гете, Шиллера, Канта, Гердера – во всей их поэтической и философской силе.

Именно в это время в полной мере сказалось то обстоятельство, что Соединенные Штаты никогда не имели своего Средневековья и американцам были чужды Вальтер Скотт или герои Виктора Гюго. Жителям Штатов было бессмысленно искать в своей истории аналогии Айвенго или Мальборо, Нельсона или Наполеона. В то же время романтизм немцев привлекал силой непосредственного чувства.

Как уже говорилось, Северо-Восток стал богатейшим регионом независимой страны, и именно здесь университеты формировали современного человека. Неудивительно, что и литература, дитя достатка и досуга, возникла именно здесь, причем это уже был корпус настоящего оригинальных произведений.

Нужно при этом отметить, что быстрая индустриализация Америки, особенно Севера, вызвала крушение прежних, традиционных устоев жизни, а значит, и культурную реакцию. Один из властителей дум современников, Генри Торо, демонстративно ушел от дымных труб в леса. Другие художники, мыслители начали борьбу с бездушным индустриализмом, не покидая индустриальных центров. Американские писатели решительно заняли место основных поставщиков интеллектуального продукта для американских читателей. Если еще в 1820 году лишь треть печатаемого в США принадлежала американским авторам, то в середине века эта цифра достигла уже восьмидесяти процентов: Америка обрела когорту писателей и журналистов мирового уровня.

Невероятный успех сочинений Фенимора Купера и Натаниэля Готорна сделал их звездами мировой величины, а американскую литературу в целом поднял до высшего уровня современности. Где еще в мире автор мог похвалиться миллионным тиражом своих книг, подобно Гарриет Бичер Стоу с ее «Хижинкой дяди Тома»? Это был результат и подъема благосостояния, и роста культурного уровня в стране. Молодые люди в городах могли теперь делать культуру смыслом своей жизни – для этого уже существовали объективные обстоятельства, среди которых были вышеупомянутые материальные факторы. Возникла также и профессиональная литературная критика, имеющая перед глазами мировые стандарты, а не колониальную упрощенность прежних поколений.

Следующая культурная эпоха проходила под девизом «Прочь имитацию». Это раньше американские дома строились на европейский манер, на книжных полках стояли зарубеж-

ные авторы, а собственно американские вкусы определялись «прошлым и далеким». Но ведь дух творит везде, где он жив. И художник должен иметь свои, а не заемные идеалы. Таким собственным эстетическим идеалом для американских деятелей искусств стало сочетание красоты, удобства жизни, величия мысли и удачного ее выражения. Начиная с 1820-х годов столица страны – Вашингтон – стала в массовом порядке покупать картины и скульптуры, украшая новую республику.

Гарриет Бичер-Стоу, 1811–1896. Писательница, abolitionистка, автор всемирно известного романа «Хижина дяди Тома». Гравюра, 1853

Деятели культуры порой существовали между Новым и Старым Светом. Так, Эммануэль Готлиб Лойтце провел детство в Филадельфии, но затем вернулся на родину предков, в Дюссельдорф, и стал своего рода культурным послом Соединенных Штатов, принимая у себя американских художников. Он охотно и плодотворно писал картины из американской истории, эпизоды Войны за независимость. По возвращении в США он получил комиссию на украшение только что отстроенного в Вашингтоне Капитолия.

Фенимор Купер

Быстрое распространение поселений в западном направлении и стремительный идейный рост влияли на культурное созревание нации, Американские писатели руководствовались общим правилом, согласно которому им не следовало имитировать европейские образцы. Собственно, в этих словах и заключался манифест американской зрелости, Из-за «европейской пуповины» он не мог появиться и быть осознан ранее; но возник, когда США, отстояв свою независимость во второй войне с Англией (1812–1814), стали еще более успешно конкурировать с ней в промышленности, науке и культуре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.